

Мирасил
КУРАЕВ

НОЧНОЙ
ДОЗОР

Михаил
КУРАЕВ

Ночной
дозор

ПОВЕСТИ

МОСКВА
«СОВРЕМЕНИК»
1990

ББК 84Р7
К93

К $\frac{4702010201-132}{М106 (03)-90}$ КБ-50-13-89

ISBN 5-270-01080-1

© Издательство Михаил Кураев 1990

СЕМЬ
МОНОЛОГОВ
В ОТКРЫТОМ
МОРЕ

Мирная эроника
военно-морской жизни
с тремя продолгами
без этилога

Пролог первый

...если бы показать вам все журналы, все альбомы, все буклеты, плакаты, кино- и видеоролики, рекламирующие самые последние достижения человеческого разума! вдохновения! мастерства!..

Нет, здесь слова бессильны, это надо видеть! это зрелище!

Танки... Пушки... Самолеты... А мины? Какие мины! Ствольные и на подрыв, по площадям и по единичным целям, морские, сухопутные, маленькие, совсем маленькие, большие, кругленькие, длинненькие...

А снаряды: куммулятивные! осколочные! бризантные! бинарные! фугасные! с радиоэлектронной начинкой, от такого не думайте бежать! — осветительные с парашютиком, от такого не спрячешься! противотанковые тоже с парашютиком — и броня не поможет!..

На любой вкус. На любую цель. На любой каприз...
Были б деньги!

А бомбы? А боевые машины пехоты? А зенитные комплексы? А противотанковые?

Испанские. Голландские. Американские. Тайванские. Шведские. Новозеландские. Французские.

Ракеты... Каски... Гранатометы... Минометы... Бомбометы... Пулеметы... Карабины... Прицелы... Обувь... Подсумки... Носилки... Носилки... Носилки...

Но корабли...

Вошел в строй головной корабль серии легких противолодочных авианосцев «ИНВИЗИБЛ», предназначенный для несения 30 палубных самолетов типа «СИ ХАРРИЕР» с вертикальным взлетом и посадкой. В его конструкции использованы материалы, стойкие к воздействию морской воды.

Полторы тонны боевой нагрузки на каждый самолет!

Предлагаются варианты вооружения:

6 бомб по 227 кг, или три бомбы по 454 кг, или 8 бомб по 127 кг... Не нравятся бомбы —

возьмите два напалмовых бака, и в добрый час!.. Нет? Тогда, может быть, вас устроят две неуправляемые ракеты «ГАРПУН»? Нет? Тогда берите «СКАЙУИНДЕР», вполне взаимозаменяемы... «СПАРРОУ» тоже на многоцелевые задачи... Нет? Вы просто капризничаете!.. Или у вас нет денег?

Пролог второй

Сразу за веселой речкой Нивой, стремительно летящей по камням из Имандры в Белое море, начинается Кольская тундра: мрачная гряда сопок с покатыми лысыми вершинами...

Если подняться вверх над Нивой метров на пятьсот — шестьсот и заглянуть на север за вытянувшуюся вдоль речки гряду, откроется бесконечное безжизненное пространство, заполненное, сколько охватит глаз, синеющими горбами сопок... Сопки уходят за горизонт, теряются в неразличимой белесой дымке. На вершинах и хребтах, в складках и морщинах гор лежат клочья белой ваты, это не облака, это снег, который в этом году, похоже, не растает...

Так и тянутся сопки все дальше и дальше на Север, теряя на ходу и без того небогатый лесной убор, чтобы плоской и каменистой равниной упереться в пенистый край холодного моря. Да и сами эти сопки похожи на взъерошенное море, на волны, поднятые свежим ветром, срывающим пенные гребешки, чтобы тут же разметать их соленой росой...

И если бы не густое дыхание турбин невидимых кораблей, если бы не свист ветра, когтисто цепляющегося за все, что попадает на пути, гремящего сигнальными жестянками на леерах, выгибающего тетивой все провода и хлысты антенн, если бы не бесконечный глянец след на вспоротом и проутюженном грудастым корпусом море, так и плескалась бы и хлюпала неведомо для кого эта безбрежная вода в своих бесконечных играх с ветром...

Простор и близко лежащая мысль о свободе, о другой жизни, которая начинается сразу за кромкой берега, пожалуй, самое общее чувство, роднящее совершенно

различных людей, оказавшихся у края земли, за которым раскинулась живая и зыбкая стихия.

Манит даль, соблазняет неизвестность, зовет простор и возможность вот так, разом, шагнув на стальную палубу, оставить утомительный ритуал сухопутной жизни... но если вы, пусть даже не признаваясь себе, не жаждете тайно той напряженной отрешенности, в какую можете погрузиться сполна лишь в стальных стенах плавучего мужского монастыря, вам нечего идти на флот и нечего делать в море... Да, да, прежде чем вы окажетесь в неведомой дали, вам предстоит познакомиться, нет, не с китами, не с летучими рыбками, не с горами волн, не с ветрами, живущими своей причудливой и прихотливой жизнью, вам предстоит встреча с самим собой, если вы, конечно, не совершенно пустой человек, с молодых ногтей сдавший под проценты свою бессмертную душу более проворным и предприимчивым людям...

Море — одна из поучительнейших стихий на свете!..

Честное слово, это даже можно было бы доказать, если бы кому-нибудь удалось все уроки, преподнесенные морем человеку, собрать в один... нет, не урок, а хотя бы том, томище... да, пожалуй, и в сто, и в тысячу томов... Жаль только, что у прочитавшего все эти тома человека навряд ли останется и час свободного времени, чтобы практически воспользоваться хотя бы одним из преподнесенных уроков...

ПО МЕСТАМ СТОЯТЬ!..

...—Баковым — на бак! Ютовым — на ют! Бак, ют связью вооружить! Включить освещение верхней палубы! ...С швартовых сниматься! Убрать сходни!

— Команда «убрать сходни» передана.

— Готовность буксиров?

— Буксиры готовы, товарищ командир!

— Отдать передний!

— Есть! Передний отдан.

— Ют, отдать все концы! ...Почему не отдаете третий?

— Носовой буксир пока не готов.

— Запросить!

— По закреплении концов на баке буксир будет готов!

— Готов носовой буксир!

— Ют! Отдать все концы! Начать съемку! Бак, отдать задний! Носовой буксир, приготовиться работать! Кормовому буксиру — активно работать! Носовому не работать!

— Прошу «добро» отдать задний!

— «Добро» — отдать задний... Кормовому срочно работать влево!

— На буксир передано. Кормовой работает полным ходом, носовой не работает.

— Кормовому работать только влево! Рулевой! Лево на борт!

— Есть — лево на борт! ...Руль лево на борту.

— «Добро». Кормовой пускай поработает слегка вперед... БИЦ¹ — ХОДОВОМУ — Обстановка на рейде? ХОДОВОЙ — БИЦ — Маневрирование безопасно.

— Где носовой буксир?

— Проходит штевень.

— Носовому — разворачивать корабль вправо. Работать вперед и вправо!

— Передано!

— Товсь, машина! Справа бочка два кабельтовых, вести бочку внимательно!

— Понял. Наблюдаю.

— Ют — отдать кормовой буксир!

— Кормовой отдан.

— Бак — отдать носовой буксир! Руль — право на борт! Готовность работать машиной!

— Машины работать готовы!

— Буксиры отданы, отходят.

— Ют, где конец?

— Конец на борту, товарищ командир.

— Сколько на румбе?

— На румбе 290!

— Обе машины, малый вперед!

— Машины «малый вперед» отработали!

— Связь разоружить! Рубка, выключить освещение верхней палубы. Обе машины — средний вперед! Курс — 208!

— Корабль на рекомендованном курсе!

— Внимание личному составу! Поздравляю молодое поколение с первым выходом в море! Желаю счастливого плавания, семь футов под килем!.. Желаю быстрее

¹ БИЦ — боевой информационный центр.

войти в наш экипаж для выполнения поставленных задач. Командир. ... Вызови «Водяного»...

— «Водяной» на связи!

— «Водяной» — я «Грозный». Прошу разрешения занять место в КУГе¹. Прием.

— «Грозный» — я «Водяной», «добро» занять место в КУГе. Вам «твердо» — 18. Счастливого плавания! Благодарю за связь. Прием.

— Мне «твердо» — 18. Благодарю. Прием.

БПК² «ГРОЗНЫЙ». ХОДОВОЙ МОСТИК.

— Я знаю, почему вы так на меня смотрите. И о чем думаете, знаю. Вы думаете, зачем же я ввел в заблуждение командование и доложил о готовности «Грозного». Не только вы, но и половина, думаю, моих офицеров доклада моего о готовности не поняла... Хорошо. Вернемся на пять месяцев назад. Мне в доке положено было стоять сколько? Месяц! Месяц на весь комплекс работ! А сколько я просидел, как муха на иголке?.. Считай, все четыре! То-то и оно... Что ж мне, еще полгода смотреть, как черепашьими темпами ремонтируется корабль? Корабль ремонтируется, а экипаж? Экипаж этим временем великолепнейшим образом демонтируется. И вы это отлично сами знаете... Почему такие темпы?.. А как же... Мы же старенькие, нам уже пятнадцать лет. Этого промышленность уже не выпускает, это уже с вооружения снято, это на базе кончилось, надо на других поискать... Это не новый корабль, где ломаное снял и новое поставил. Хорошо, корабль в ремонте, а где у меня личный состав после развода на работы? Думаете, флагу служат и кораблю?.. Арбузы разгружают, помидоры перебирают, теплосеть в поселке прокладывают, да в авральных работах по заводу... Нет уж, корпусные работы провел, броню навесил, валы поменял, гребные винты заменил, остальное на плаву за три недели довел, иначе месяца через два у меня уже не команда была бы, а стройбат... Почему? Да потому что уж больно легкая жизнь в доке. А на флоте легкой жизни быть не может. Если я в доке прохлаждаюсь, значит другой лишние месяцы за меня на

¹ КУГ — корабельная ударная группа.

² БПК — большой противолодочный корабль.

боевом дежурстве океан бороздит. Он о Родине только по радио слышит, зато у меня офицеры ночные вахты под боком у жены несут... Дробь! Вот теперь и судите, правильно я доложил о готовности или надо было ждать, пока командующий отдельным приказом по «Грозному» долбанет?! На румбе?

— На румбе 233. Корабль на рекомендованном курсе.

— Так держать!

— Есть — «так держать»!

КОРИДОР НА ОФИЦЕРСКОЙ ПАЛУБЕ в районе мидель-шпангоута — одно из самых спокойных на корабле мест при любой качке. В коридоре светло и пусто.

Слетевшая со стопора внутренняя дверь невинно поскрипывает, покачиваясь едва заметно, но скрип, по мере того как дверь начинает раскачиваться все больше и больше, растягивается и растягивается... взлетев на хороший гребень, корабль валится вниз, и дверь, издав звук, напоминающий свист падающей бомбы, грохается в переборку с такой силой, что кажется, впечаталась в нее навсегда... Но уже через мгновение, бесшумно отпрянув, она начинает снова по-щенячьи попискивать, поджидая новой горки, чтобы еще раз наполнить железным грохотом пустынный коридор.

— Законтрил бы ты ее, Мартынюк...

— Говорю, петля от накидного стопора отлетела...

— К аварийному гидранту подвяжи...

— Чтобы мне мичман Бородавко кое-что подвязал?..

Стратегический бомбардировщик В-1 — носитель крылатых ракет фирмы «РОКУЭЛЛ». По восемь ракет размещаются в двух установках револьверного типа, и четырнадцать ракет на внешней подвеске. Взлетный вес — 217 тонн. Экипаж — 4 человека. Вооружение расположено в бомбовых отсеках и на подкрыльевых узлах подвески. Это могут быть крылатые ракеты, управляемые ракеты «СОЭМ», бомбы, морские мины. Стоимость самолета без вооружения — 42 миллиона долларов.

НАД БАРЕНЦЕВЫМ МОРЕМ ровная серая пелена вместо неба. Не облака, не тучи, а серая непроницаемая,

неподвижная пелена. Ровный свет без теней исходит из этого серого полога. Видимость хорошая, кабельтовых сорок. Холодный ветер взбил небольшую волну, и на всем неоглядном пространстве рябого от волн моря белые гребешки, напоминающие мелкий дробленый лед, припорошенный снегом. Именно в такую погоду, когда природа и не ласкает человека и не требует от него ни мужества, ни усилий, люди по большей части чувствуют себя и на земле, и в море неуютно, словно в чужом доме... Что ж, обстоятельства самые благоприятные, чтобы уйти в себя и сосредоточиться...

Неподвижные черточки на необъятном пространстве выгнувшегося у горизонта моря — летящие сквозь зыбь и хмарь корабли: КУГ комдива Лазарева, корабельная ударная группа. «Водяной» — позывной Лазарева.

— «Четвертый» — я «Водяной», прошу на связь.

Прием.

— «Водяной» — я «Четвертый». Прием.

— «Четвертый», ваши «твердо». Вопросительный.

— Иду 12 узлов. Сбросил 10 оборотов.

— Опять у нас некорректный технический разговор. Куда мне прикажете девать 10 оборотов, о которых вы доложили. Вопросительный. Не молчите. Вопросительный. Куда девать 10 оборотов?

Губы Лазарева плотно сжаты, угол рта приподнят в какой-то досадливой усмешке, откинувшись на спинку высокого флагманского кресла, он поводит взглядом по офицерам, несущим вахту на ходовом, словно и не надеется услышать ответа от «Четвертого», так хоть кто-нибудь из присутствующих разъяснит эти загадочные «10 оборотов».

На Лазарева никто не смотрит, от командира до матросика на руле все сосредоточенно заняты своим делом.

После томительной паузы «Четвертый» разрешился ответом.

— Идем номинале. 12 узлов. Доклад о «10 оборотах» ошибочен.

— Вас понял. Благодарю за связь.

Из серого угрюмого неба черной каплей вывалился и начал стремительно приближаться, безмолвно увеличиваясь в размерах, английский патрульный самолет «Нимрод».

Корабельная боевая трансляция деловито оповестила: «Прямо по курсу — воздушная цель! Пеленг — 270! Высота — 150. Скорость 520. Цель на запрос не отвечает. Цель сопровождаю!»

С ревом прошел прямо над кораблем, нарочно снизившись метров до пятидесяти, тяжелый самолет с цветными кругами на плоскостях. Обдав корабль гулким дыханием турбин, самолет с разворотом ушел вверх, в серое месиво...

В КАЮТ-КОМПАНИИ КРЕЙСЕРА «ХМУРЫЙ» офицеры первой смены заканчивали обед.

Капитан первого ранга Томилин видел обращенные к нему лица офицеров, ожидавших окончания речи, прерванной обстоятельным промоканием пота, выступившего на лбу, свернутым вчетверо носовым платком. Он еще раз взглянул на ожидающих офицеров и устало закончил свою мысль:

— ...Не люблю вранья в описании флота, флотской жизни, даже не смотрю фильмы об армии, об сегодняшней. Кто не знает, те верят, а мне смотреть — неприятно.

Встал и, ритуально буркнув «приятный аппетит!», покинул кают-компанию, застегивая тесноватую тужурку на полнеющем теле.

«Офицерскому составу группы управления — построиться — шкафут, правый борт!» — возвестила корабельная трансляция.

В кают-компанию было слышно, как снова с грохотом прошел над кораблем тяжелый морской разведчик.

— Неопознанный объект?..

— Да «Нимрод» это, из 51-й разведэскадрильи...

— Филин?

— Нет, филин с красными глазами — это 120-я эскадрилья, а красный гусь в белом кружке — 51-я, с Норфолька.

— Поступаю на классы, в билете вопрос — «Нимрод», — начал рассказ молодой капитан III ранга с лицом дерзкого и независимого человека. — Они только тогда в НАТО на вооружение поступили. В билете одно слово — «Нимрод». Я не только данных не знаю, не знал даже, что это — самолет, пушка или база?..

— Два балла? — поинтересовался лысеющий капитан-лейтенант.

— Мне? Два балла? Такого не было и не будет. Три шара! Немного до четверки не дотянул. А по сумме трех вопросов — четыре... Летает старичок...

— Кстати, в этом году у них истекает срок боевой службы атомных лодок типа «Лафайет»...

— «Ваня Вашингтон» у них 20 лет ходил?..

— «Лафайетам» они еще десять лет накинули, до 30 лет срок службы продлили. Тоже не дураки 31 единицу самим вычеркивать. Подождут немножко да под какое-нибудь сокращение преподнесут в виде подарка.

— А они сейчас все продлевают. Авианосцам паротурбинным с 30 до 45 лет срок службы продлили... Типа «Китти-Хок», «Мидуэй», вот этим...

— Скоро расстанусь с вами, цыгане! А электромеханическая часть так и будет идти своим чередом, — вдруг сообщил флагмех, капитан I ранга Милый.

— А я видел, вас в списки включили на курсы...

— Включили, причем после того, как я уже рапорт подал... Когда матери четыре месяца до пенсии осталось, ее послали на курсы по гражданской обороне. Кончила с отличием и вышла на пенсию... Сюда ее забрать не могу. Климат не тот. А там она одна тоже не может...

— Сколько маме?

— 74 уже.

— Годá!..

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ КРЕЙСЕРА «ХМУРЫЙ» командир дивизии капитан I ранга Лазарев сидел в высоко поднятом кресле, напоминающем самолетное.

На ходовой поднялся командир корабля Коваль, но сидеть днем в присутствии флагмана не принято, он встал рядом с таким же высоким своим креслом по правому борту.

«Начать малую приборку!» — раздалось по корабельной трансляции.

— А горнист у вас есть? — На лице комдива замерла досадливая улыбка человека, знающего огорчительные ответы на все свои вопросы. Лазарев даже не повернулся в сторону командира, разглядывая набегающие на бак волны с таким вниманием, будто это и было его главным занятием.

— Так точно! — тут же отозвался командир.

— Тогда — вопросительный: почему на корабле первого ранга не упреждаются сигналы горном?

— Он вахту несет,— командир обернулся к комдиву.

— Я не спрашиваю, где он? что делает? чем занят? я спрашиваю, почему корабельный устав не исполняется?

— Будет выполнено! — командир отошел к левому борту, где за спиной комдива у тумбы со светящимся экраном стоял матрос, наблюдая за зеленым лучом, горизонтально, снизу вверх, проплывающим через экран.

— Ну что, нашел лодку?

— Никак нет.

— Будешь дудеть!

— Есть...

— Что поскучнел?

— На горне отпуска не заработаешь, товарищ командир.

— Такие времена. Сдайте вахту.

— Есть сдать вахту.

— «Зоркий» на связи, товарищ комдив,— доложил вахтенный офицер.

Комдив поднес к губам пластмассовый рожок микрофона.

— Я — «Водяной», почему нет доклада?.. Ах, только что хотели доложить? ...Мой запрос даже вам как бы помешал? Я вас правильно понял? Вопросительный. Сколько у вас топлива? Прием.

— Сейчас доложу.

— Вы вахту приняли? Вопросительный. Вот и доложите. Прием.

— 900 тонн,— прозвучал ответ после небольшой паузы.

— Благодарю за связь. Прием.

— Товарищ комдив, корабль пересекает рубеж «Олений — Гростер»,— доложил вахтенный офицер.— Вы просили предупредить.

На ходовой поднялся Томилин, взглянул на лаг, осмотрел внимательно матроса, стоявшего на руле, и с той едва уловимой независимостью, которую позволяют себе флагманские специалисты, прошел по ходовому, и, привалившись к окну, опоясывавшему мостик, как веранду, предался созерцанию волн.

— Я — «Водяной», «шестого» на связь! Прием! — лицо у комдива было такое скучное, словно он пребывал в уверенности, что «шестой» ему никогда не ответит.

— «Водяной» — я «шестой». Прием, — раздалось почти сразу.

— Я — «Водяной». Вам вводная. 14.10. Подрыв мины. Оторвана... — комдив секунду подумал, — носовая оконечность корабля по 30 шпангоут. Потеряли ход. Ведете борьбу за живучесть. Самостоятельно двигаться не можете. Свяжитесь с аварийно-спасательной службой флота. Дальнейшем — возвращайтесь на базу. Как поняли. Прием.

Все отчетливо слышали приказ «Зоркому», но никто не переглянулся, не поднял глаз на комдива... каждому офицеру понадобились усилия, чтобы никак не отреагировать на услышанное, лишь Томилин, по мере того как четко и веско отдавал приказ комдив, выразительно изображал искреннее удивление, граничащее с откровенным несогласием.

— Сергей Дмитриевич, что ты делаешь? — дождавшись конца радиообмена, поинтересовался Томилин.

— Собираюсь обедать. Ты уже?.. Командир! Прошу к столу!

НА ШКАФУТЕ «ХМУРОГО» были построены офицеры группы управления.

Старпом Сайко в теплой тужурке и пилотке расхаживал перед унылым строем.

—...Вагон офицеров... Серьезные люди... Вымыли штурманскую площадку, а на нее грязь с сигнального... Вымыли площадку БИП, а на нее грязь со штурманского... По катерной площадке ходить опасно, ждете несчастья, чтобы поумнеть? Дальномерщики залили веретенкой!.. — и тут же подошел к восторженному в жажде оправдаться молодому лейтенанту. — До вас, товарищ лейтенант, когда командира группы не было, отделение было отличное. Вам передали отличный боевой пост, за какой срок вы привели его в такое убогое состояние? Ваше присутствие на корабле сказывается отрицательно. Сушилку устроили на приборах совершенно секретных и особой точности?! А вы когда, товарищ старший лейтенант, когда в последний раз в кормовую штоковую выгородку заглядывали?.. В каком виде у вас паровые магистрали?.. На этот вопрос вы ответите в 17.00. — Старпом подошел к следующему офицеру. — В румпельном отделении — гадючник...

— Никак нет!

— А я и не ожидал, что вы ответите «так точно»! Разыщите того, кто прячет консервы под муфту Дженни, и накажите своей властью. Мне доложите...

Разговор, судя по всему, мог бы длиться еще и еще, если бы корабельная трансляция не донесла: «Старшему помощнику командира корабля — прибыть на ходовой!»

— Немедленно приступить к устранению всех названных безобразий! Смирно! Разойдись!

Французская фирма С ЕЕ на основе системы постановки пассивных помех «ДАГАЙ» разработала и предлагает компактный уменьшенный вариант — «МИГАЙ» для кораблей малого водоизмещения. Новая система включает две пусковые установки, которые легко можно оборудовать на катерах водоизмещением 200—400 тонн...

В САЛОНЕ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ вестовой во всем белом, даже в белой пилотке, утыкающейся острым углом в сросшиеся густые брови, бесшумно убирал со стола.

Без стука вошел Томилин, но для порядка спросил:

— Не занят?

Лазарев молча указал рукой на диван.

— «Грозный» что-то отстаёт... Корабль-то не отработан.

— Вестовой, как у тебя чай, на высоком?

— Так точно.

— Пару стаканов, пожалуйста... И сухариков.

— Сергей Дмитрич, тебя не поймут... — выждав, пока уйдет вестовой, начал Томилин. — Капитан первого ранга, командир дивизии, почти адмирал, а не дают покоя лавры... добро бы Мильтида, а то — унтер-офицерской вдовы! Это как-никак привилегия командования применять «тактические наказания», выводить из игры боевые единицы... А ты сам... Чего ты хочешь? Походный штаб подработал варианты на бой, на маневрирование, исходим из наличных средств, а ты — раз, и пожалуйста... Чего ты хочешь?

— Если бы, Юрий Олегович, ты знал, чего я хочу, об этом уже знал бы «противник» и лично контр-адми-

рал Бубышев, с которым ты надеешься соединиться узами взаимопонимания и поддержки!..

Томилину ничего не оставалось делать, как расхохотаться самым искренним смехом, тем самым смехом, каким смеются дипломаты, схваченные за руку.

— Как старший посредник, и это мой долг, разъясню тебе существо дела. У Бубышева, который действительно зовет меня к себе, силы фактические, пятнадцать вымпелов. А мы, то есть — ты, ты изображаешь противника, обозначаешь пятью своими вымпелами. Знаешь, в боксе есть такое упражнение — бой с тенью? Ты — тень. Ты — мишень. Мишень не может, не должна побеждать!.. Неужели ты не понимаешь, что штабу не нужны победители? Для того тебе и дано пять вымпелов, чтобы твое поражение как бы и не было поражением. А если есть победители, значит, должны быть и побежденные. Что такое — побежденный? Это «двойка»! ЧП! Комиссия. Приказ. Доклад в Москву. Задержка звания, партийные фитили...

— Для тебя, Юрочка, учения начинаются и кончаются в штабе. А на меня смотрят две сотни лейтенантов и еще полсотни офицеров постарше, смотрят и спрашивают: мы идем в «морской бой» играть или идем учиться драться?.. Я знаю все, что ты мне скажешь. В мирное время победа делается не в море, а на берегу, она куется в кабинетах на наковальнях хороших отношений мягким молотом воинской взаимовыручки и поддержки...

— Зачем ты вывел «Зоркий» из КУГа?

— Где мы сейчас идем? Рубеж «Олений — Гростер». Идем без тральщиков, без авиации... Ты же знаешь, что у них здесь напихано, это у них первый рубеж... Можем мы пройти его без потерь? Думаю, что нет.

— Не твой вопрос... Отрабатываются другие задачи, да мы же еще в район не вышли, собственно еще ничего и начинать нельзя... Зачем же так все в кучу?..

— Это не я в кучу, это у войны такая привычка, это война — все в кучу.

— Воевать решил?

— Профессия у нас с тобой такая, — улыбнулся Лазарев.

— Весь вопрос, с кем воевать, — серьезно сказал Томилину.

Вошел вестовой, и Лазарев оставил вопрос без ответа.

Пролог третий

Вот время и место собраться, перевести дух и напрямую объяснить с читателем.

В повествовании уже произошли события чрезвычайной важности, а читатель не только не охнул, не только не восхитился самоубийственной смелостью капитана I ранга Лазарева, но даже и не устроился поудобней с текстом, в предвкушении знакомства с последствиями совершенно неожиданных поступков уже явившихся перед ним героев...

Все это происходит оттого, что автор не помышляет выставить себя знатоком флота и военно-морского дела и потому оставляет все неисчислимы живописные подробности этой несколько странной жизни и причудливого обихода настоящим морским писателям, в чьих сочинениях вода — и стихия, и материал, и средство общения с читателем.

Не имея сил и средств художественно воссоздать военно-морской мир и погрузить в него читателя с головой, приходится ограничить свою задачу лишь ролью посредника между теми, кого автор видел, знал, кого-то даже успел полюбить, и вами, неведомый читатель, в надежде, что вы разделите мои искренние и непродуманные чувства.

Не имея желания, а, впрочем, и умения закручивать сюжет, я должен сразу признаться в том, что мы с вами оказались свидетелями вполне рутинного учения с участием двух десятков выпелов, учения, от исхода которого мало что зависит как в судьбах участников событий, так и в становлении морской мощи державы. Морские учения, кстати, как и сухопутные, в мирное время вполне отвечают лозунгу олимпийцев: главное не победить, а участвовать! Вот уж где победа носит чисто символический характер, так это на военных играх в мирное время.

Выход, развертывание, маневрирование, разведка, постановка активных помех, помех пассивных, обозначение ударов — все это уже само по себе благо. Именно здесь накапливается опыт, вырабатывается навык, экипажи получают возможность хорошо «сплаваться», командиры лучше понять друг друга в деле... И обо всем этом, быть может, не было бы смысла и говорить, поскольку, с одной стороны, как-никак все это военная

тайна, а с другой стороны, все это всем давным-давно очень хорошо известно...

И вот, не желая занимать читателя пустяками, отсеивая решительно все, без чего повествование может обойтись, я пускаюсь на ваших глазах в недолгое и вполне благополучное плавание, надеясь в бесхитростных, невыдуманых картинах увидеть, разглядеть тот неуловимый, но, ей-богу же, существующий элемент, который, быть может, и составляет силу нации... Элемент этот найти особенно нелегко, поскольку вот уже много лет он вымывался, выветривался, терялся втуне, ибо не было на него спроса и не находил он себе достойного применения...

Перворазрядник по боксу, шахматам и четырем видам легкой атлетики, капитан третьего ранга Сайко вернулся из штаба флота не в духе. Я зашел к нему в каюту узнать новости. Сайко листал ЖБП¹, выбирая, как сор из крупы, на отдельный листочек какие-то даты и цифры... Листая свою записную книжку, я чувствовал, что Сайко вдруг прекратил не вдохновлявшее его занятие и смотрит на меня. Я изо всех сил не замечал упершегося в меня строгого и ироничного взгляда...

— Николаич! Ну что вы там все пишете и пишете в свой блокнотик? — хотя каюта была немногим больше железнодорожного купе, старпом обращался ко мне так, будто мы находились на плацу и я был левофланговым, а он в голове строя.— Не знаю, что вы там собираетесь писать, только это никому не нужно...

— А что нужно?

— Не знаю, это вы должны знать...— Сайко расхохотался моему простодушию и откинулся в кресле.— Могу продать тему, очень недорого... Замечательная тема! Книжку будут на флоте читать до дыр, из кубрика в кубрик будут передавать, офицеры на берег сходить не будут, если очередь читать подойдет! Ну? Отличная тема!

— Дорого возьмете?

— Николаич!.. Для вас? Да я вам так ее подарю. Напишите роман об офицере флота, который органически, понимаете, органически не умел врать!.. Вот такая тема — органически не умел врать...

¹ ЖБП — журнал боевой подготовки.

— Я фантастикой не занимаюсь, воображения не хватает.

Сайко не оценил моей находчивости.

— А вот это, все, что вы пишете, никому не нужно... Вы меня извините, конечно... Только не обижайтесь...

— А «Цусима»? — бросил первое пришедшее в голову.

— «Цусима»... Оригинальная вещь. Образы сильные и сравнения. Устройство флота, поход, сражение описано великолепно, великолепно описано... с точки зрения баталера, как видел, так и описывал. Это же взгляд на величайшее для истории нашего флота событие из баталерки!.. История пред судом баковой аристократии!.. Я, Николаич, думаю, что не только море, не только бой, но и история тоже по-разному выглядит из баталерки и с ходового...

Родители Сайко были глухонемыми, и работать он начал в семь лет, переводчиком в суде, когда глухонемых судили. Он и сейчас может вторую программу без звука смотреть. В основном в суде шла «бытовка», «процессы, связанные с нанесением тяжких и не очень тяжких телесных повреждений, повлекших длительное или кратковременное расстройство здоровья»... Наиболее распространенным мотивом криминальных действий был момент супружеской неверности одной из сторон. В поисках истины суд стремился вскрыть все подробности и обстоятельства событий, предшествовавших преступлению как таковому. Облекая язык пантомимы в живую человеческую речь, юный толмач пользовался терминологией далеко не словарной, называя предметы, действия и поврежденные части тела так, как они именовались в устной речи на окраинных улицах Краснодара. Попытка судей, адвокатов и народных заседателей привить Ванечке вкус к благовоспитанным иносказаниям оказалась бесплодной. Ваня резал, как слышал, вернее, как видел... Суды Краснодара были вынуждены отказаться от услуг смышленного помощника, а у Ванечки, уже сдавшего половину зачетов на самостоятельное управление крейсером, и по сей день сохранился вкус называть вещи своими именами...

Просьбу Ивана Федоровича Сайко написать роман об офицере, органически не умеющем врать, мне выполнить не удастся, прежде всего по причине неумения писать романы...

И тем не менее, если и есть какой-нибудь смысл

в предлагаемом сочинении, так я его вижу в искренней попытке создать хотя бы мозаичный портрет вождя-ленного героя...

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ КРЕЙСЕРА «ХМУРЫЙ» командирскую вахту стоял старпом Сайко. Он то подходил к штурманскому столу, расположенному в выгородке за командирским креслом, принимал доносившиеся из чрева радиостанций доклады, в которых непривычное ухо не смогло бы разобрать ни единого слова, отдавал распоряжения, прикладывая микрофон прямо к губам. У старпома атлетическая фигура многоборца, сложение тела правильное, лицо открытое, мужественное, голос... старпомовский, то есть такой, который слышно даже без технических средств из боцманской кладовой на баке аж в румпельном отделении на юте. Нет, это вам не показалось, Сайко действительно оглянулся через плечо, чтобы на секунду увидеть нас с вами, только после этого заговорил, не прекращая свою работу:

— Вы можете ответить на мой вопрос?.. Я пятнадцать лет в Вооруженных силах, в Военно-морском флоте, жизнь прошла, а что я сделал? Что? Что после меня останется? Каждый человек это себя спрашивает. У брата моего восемь классов... С вечера хоть, бывало, и зальет, а с утра, как папа Карла, вваливает. Хлебобороб. А сколько бы я за это время, хоть и с двумя классами, у себя на Кубани земли перевернул? Ладно. Еще вопрос. Почему никто не хочет служить на кораблях? Не на флоте, а на кораблях. Это же флот! Люди на корабли должны рваться. 73 процента офицеров нашего корабля мечтают попасть на берег. Кем? Да кем угодно! Вот сидит «одинадцатилетний» капитан, четвертый штурман, одинадцать лет в звании капитана-лейтенанта, спросите его: «Чеплашкой пойдешь на берег?» Видали? Мысли слышит! А скажи ему, так чемодан собирать не будет, с сигнального мостика прямо в воду и саженками доплывет... Как поднять престиж плавсостава? А давайте им значки придумаем! А давайте им шевроны нашьем пошире!.. Умнейшие люди головы ломают... А все просто, и не надо голову ломать. Хочешь стать старшим лейтенантом — поплавай два года. Нормально. Хочется капитаном-лейтенантом стать? Поплавай еще пять лет. Понравилось? Хочешь стать капита-

ном третьего ранга? Великолепно! Десять лет в море и ты аж — целый капитан третьего ранга! Очереди же у причалов будут стоять! С кораблей не выгнать никого будет! Рваться будут люди на корабли... А кто поднимает авторитет плавсостава, престиж корабельной службы, те, кто сами-то на берегу служат и в море не рвутся... Где уж тут додуматься до простых вещей... Хотя бы сделай условия для тех, кто на кораблях плавает. Чтобы я имел возможность с семьей, с детьми отдохнуть по-человечески... Я с сыном год не разговаривал. Он уже ходит заранее виноватый. Я же сойду на берег, гавкать на него буду. Я же иначе и говорить не умею. Девять лет женат, а у меня еще медовый месяц не кончился, хорошо, если два раза в неделю дома бываю, так это и то, если на бочке стоим или у стенки... Домой прихожу как не знаю кто. Номер дома — вроде мой, номер квартиры, напрягся — вспомнил, жену повернул — ага, вроде моя!.. Посхали! Еще вопрос. У нас штата не хватает. На корабль получить офицера, мичмана получить — проблема! Приходишь, просишь, тебе все объяснят. Все! Сейчас должны служить дети тех детей, которые не родились из-за войны... Все понятно. Демографическая яма. Я же умный, мне все можно объяснить. Только почему на берегу все укомплектовано, все береговые службы, все склады, все управления, все спортклубы? Из какой демографической ямы вылезла эта прорва народу? Вы видели, как мичман после трудового дня на складе в автобус садится? Вот так вот примерился... Сел. Крепко сел. Только что до полу кресло под ним не прогнется. Компрессия! Он же две подписи за день сделал. Устал. Вот такая холка. Жены у нас работу найти не могут. Да посади ты ее на это место, надень мичманку, дай карандаш, она тебе и пересчитает, и запишет, и подпишет не хуже этих воинов... Еще вопрос. Почему, если человек не приспособлен, нету у него таланта, способностей нет, а его все равно нельзя из Вооруженных сил уволить? Ни за что! Такие подписи нужны, такие решения, такие распоряжения... Да он же не может, он же — дурак. Ну и что? Не всем же умными быть, пусть служит. Вот он сидит и высчитывает, до пенсии мне семь лет осталось, пять лет осталось, три года... Дотяну! Работаю плохо? А вы меня бейте. Бейте хоть чайником по голове, у меня и так она вся в шрамах, меня все двадцать лет кастрю-

лей били, бейте еще... Выдержу! Ради пенсии можно и потерпеть... Еще вопрос. Был приказ Наркома, никто его не отменял, приказ, запрещающий сыновьям, детям, родственникам служить в тех же родах войск, что и отцы. А у нас что? Только из лейтенантов вылупился, как ему уже дорожку ковром выстлали... Слышали мой разговор с замкомэскадрой перед выходом? Нет? Не слышали? Правильно. У него времени нет. Сын Николая Сергеевича приезжает, надо ехать встречать. Видали? Целый каперанг едет встречать лейтенанта, волнуется, дела отложил. Как же, от этого многое для него зависит. И место ему подобрали — офицер какого-то там отдела, и должность капитана третьего ранга. Лежи на боку, не забывай поворачиваться, чтобы пролежней не было. Еще вопрос. Почему народ так на берег рвется? Да потому, что с руководящими документами дело иметь куда приятней, чем с людьми да с техникой. Это же счастье — выучил руководящий документ, а он еще под инвентарным номером да еще секретный, не каждый его знает! а ты его доводишь с умным лицом до сведения и строго спрашиваешь! доводишь и спрашиваешь!.. Ты строгий, ты требовательный, ты исполнительный, и все хозяйство у тебя — сейфик да печатка. Иное дело — лезть в море, в нарушение всех инструкций варить котлы на ходу, глушить трубки, пары поднимать, ход давать... Где лучше? Кому чести больше и уважения?.. Военная бюрократия, может быть, самая изощренная, самая живучая, самая защищенная, до нее никакая гласность, никакая демократизация не доберется... Зато и военный бюрократ самый вредный из всех своих соплеменников, он ради собственной безопасности и благополучия воспитывает офицера робкого, теряющегося в трудной обстановке... У каждого времени свои герои. Мирное время делает героем талантливого исполнителя, он всем хорош, только что для войны непригоден... Кстати сказать, до сих пор науке неизвестна природа мурлыканья довольного жизнью кота.

На ходовой мостик поднялся комдив.

— Смирно! — Сайко, приложив ладонь к пилотке, шагнул навстречу начальнику. — Товарищ капитан первого ранга, старший помощник командира корабля капитан третьего ранга Сайко. Корабль составе КУГа следует район тактического развертывания. Курс — 272, назначенный ход — 18 узлов...

— А фактический?

— 18 узлов, товарищ капитан первого ранга.

Комдив посмотрел на Сайко так, будто хотел узнать, что думает этот налитой здоровьем, непроницаемой внешности офицер...

— Вольно! — скомандовал Лазарев и прошел к своему креслу у левого борта.

— На румбе? — крикнул Сайко.

— На румбе — 272!

— Так держать!

— Есть, так держать!

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ АВИАНЕСУЩЕГО КРЕЙСЕРА «КРЫМ» пятидесятилетний контр-адмирал Бубышев с полузакрытыми глазами сидел во флагманском кресле. Глаза были прикрыты ровно настолько, чтобы не возникало мысли о сне. Боязнь нарушить покой и размышления флагмана охватывали каждого подходившего или неслышно проходившего рядом...

Вестовой в белых негнущихся от крахмала одеждах, буркнув ритуально «Прошу разрешения...», поставил перед флагманом стакан крепкого горячего чая, забрав нетронутый остывший стакан в таком же тяжелом подстаканнике.

— Товарищ адмирал, — к флагману подошел счастливый, скорый на улыбку молодой капитан II ранга Баранец и сообщил как смешную новость: — противник начинает терять корабли еще до выхода в район оперативного развертывания!..

Бубышев приоткрыл один глаз и стал похож на Кутузова после сражения при Алуште.

— Я думал, у них «Грозный» вывалится... — продолжил Баранец. — Выпихнули корабль с завода, вышел, как летучий голландец, ни одного фонаря, ни одного плафона... Ненадежный кораблик. А застопорили «Зоркий», возвращают по аварийке на базу. Где-то там мину нашли!.. Не выходили технику, теперь делают хорошую мину... извините за каламбур...

— Откуда там мина? — спросил подошедший начальник походного штаба капитан первого ранга Рубцов.

— Это надо у Лазарева спросить. То ли темнит, то ли мудрит.

— Ведите обстановку! — скомандовал Рубцов, поскольку младшему не подобает в таком тоне говорить о старшем по званию, хотя бы это был и противник. И наставительно добавил: — Докладывать надо по форме, не дачные новости флагману сообщаете.

Рубцову было неприятно, что Баранец опередил его с докладом о «Зорком». Тоже мне!..

— Есть! — улыбнулся жизнерадостный офицер и скрылся.

— Чтобы обозначить наше поражение, у него в залпе должно быть минимум тридцать ракет... — не обращаясь к Бубышеву, Рубцов размышлял вслух.

Контр-адмирал оборотил свои полуприкрытые глаза на говорившего и начал его разглядывать, чуть заметно поводя головой, словно внешность и выражение лица Рубцова значили больше, чем слова, но реакции своей на услышанное адмирал не обнаружил ни жестом, ни гримасой.

— Маленькие военные хитрости... — продолжал Рубцов. — Сейчас у него... «Хмурый» — шестнадцать... «Резкий» — четыре... «Грозный» — шесть... Так у него же всего 32 ракеты в залпе! Ох, хитрец! Спишет по технике штук пять, и пожалуйста: огневое поражение как тема снята!..

Бубышев еще больше прикрыл глаза, ему нравилось, когда мыслили вслух.

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ КРЕЙСЕРА «ХМУРЫЙ» флагманский механик Милый подошел к Лазареву, стоявшему рядом со своим высоким креслом.

— Сергей Дмитриевич, слабенький на «Грозном» командир БЧ¹-5...

— Что ж это вы так — слабенький... По-моему, там вообще нет командира БЧ-5.

— Командир уехал отца хоронить, пришлось в последнюю минуту назначить командира трюмной группы легендарного Пегова...

Лицо Лазарева скривилось, будто ему положили в рот дольку лимона...

— А Репишев?

— На классы пошел.

¹ БЧ — боевая часть.

— Прекрасно.

— Может быть, имело смысл все-таки не «Зоркий», а «Грозный» на базу вернуть. Если что случится...

— Пусть случится.

— Презирует опасности лишь тот,— с улыбкой сказал Милый,— кто не знает, что это такое... Корабль как-никак четыре лишних месяца в заводе простоял, без топлива, а электромеханическая часть без хозяина?

— Правильно. Не удивлюсь, если командир БЧ-2 доложит, что у него стволов на главном калибре не хватает... Командир объявил «Грозный» кораблем передовым? Объявил. Так считает флот, так считает Генштаб. А он как бы подразумевал готовность к плевой стрельбе на пистолетный выстрел, а не к войне?.. Назвался, пусть теперь выкручивается. Хотели побыстрее доложить, миновать мелочи хотели?.. Вот теперь пусть и бьются об эти мелочи...

Незаметно рядом образовался Томилин.

— Помнишь, на КТОФе было?.. Подняли эскадру... Вьетнамская война шла, как раз американцы Тонкинский залив блокировали. Значит, подняли по тревоге, собрали всех командиров. Идут доклады о готовности, как на параде: Готов! готов! готов! В море получаем приказ: быть готовым к фактическим действиям!.. Мать родная, фактическим!.. Тут как посыпалось: у меня это не отработано, у меня такая-то стрельба не проведена, нет того, нет этого... Пришлось все на переходе отрабатывать... Где мы там стояли?..

— На Джельшень-банке стояли,— буркнул Лазарев.

— «Третий», «третий» — я «второй»! Держите место в порядке, что плететесь на шкентеле!

Томилин резко обернулся на голос вахтенного офицера, но Лазарев остановил его:

— Для этого есть командир...

— Вахтенный офицер! — тут же раздался резкий голос Ковалю.— Вы ознакомились с условиями связи на переходе?! Молчите, полное радиомолчание! Почему вы позволяете себе нарушать установленный режим?

Выслушав проповедь с кислой усмешкой, Лазарев прервал командира:

— Командир! Вы же не в церкви, что вы агитируете, проповедуете, что вы уговариваете?.. Снимите офицера с вахты!

— Капитану-лейтенанту Байдагалиеву прибыть на ходовой! Сдайте вахту капитану-лейтенанту Байдагалиеву,— приказал Коваль.

— Есть, сдать вахту,— понуро буркнул вахтенный.

СТАРПОМ ШЕЛ ПО НИЗАМ, все видел, все знал, все приводил в надлежащий порядок. За ним роем поспевали командиры отделений, групп, дивизионов, каждый получал свою порцию наждака и отваливал в указанном направлении, его место занимали новые командиры, чье хозяйство принимало в свое лоно старпома.

—...Звонки авральной группы в кубрике 8 заматаны проволокой!.. В кубрике 17 язычок звонка отогнут, чтобы слух не осквернять личному составу? Чтобы не звенел, а трепыхался?..

— ...У вас свищ, свищ на системе охлаждения! Это ваш свищ, ваш. Вы меня поняли?

—...Скучаешь без меня, старший матрос Волков?

— Служу, как заяц, товарищ капитан третьего ранга!

— А ну-ка, слетай, матрос Волков, отыщи комди-ва живучести.

— Есть, «а ну-ка слетать»...

— Не понял.

— Есть, «а ну-ка слетать»...

— Выполняйте!

— Есть!

Шагавшего по низам старпома догнал командир дивизиона живучести.

— Тамбур линии вала — это ваше заведование, товарищ командир дивизиона живучести? У вас что, спина не гнется в люк лишней раз заглянуть? Света нет, а в люке — окурки! Окурки в люке, товарищ командир дивизиона живучести! Если вы создаете пожароопасную ситуацию, то позаботьтесь хотя бы об огнетушителях. Но у вас огнетушители висят только там, где начальство ходит, а там, где вы собираетесь крейсер поджечь, огнетушителей нет! И это следствие вашего отношения к личному составу! Как вы к личному составу, так и личный состав к вам. Почему на завтрак была сухая картошка?

— В связи с поздним подъемом...

— Товарищ командир дивизиона живучести, почему у личного состава была сухая картошка?!

— Дочищали, когда нужно было засыпать в котел...

— Почему личный состав ел сегодня сухую картошку? Я задаю этот глупый вопрос потому, что на утреннем построении ваши старшины и даже мичман чистили картошку, никакого для них построения не было! Зачем эта имитация активности, зачем эта имитация бурной деятельности, товарищ командир дивизиона живучести?!

В состав ВМС США вступил десантный транспортный док «ПЕНСИКОЛА» типа «ЭНКОРИДЖ». Полное водоизмещение — 13 700 т, мощность энергетической установки — 24 тысячи лошадиных сил!

Десантовместимость — 4 катера на воздушной подушке в доковой камере и 3 десантных катера на верхней палубе. Всего размещается 400 морских пехотинцев!

3—76-мм спаренные артиллерийские установки и 2 установки «Вулкан-Фаланкс» — отличное средство самообороны 398 членов экипажа.

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ КРЕЙСЕРА «ХМУРЫЙ» флагманский механик Милый стоял, прислонившись к окну. Так же, как старпом, он оглянулся на нас с вами, словно хотел убедиться, что мы здесь и готовы слушать.

— Когда вы это станете читать, я буду уже в запасе... Не могу сказать, что мне нечего дать больше службе, просто она берет от меня так мало... а работать на треть, на четверть, на одну восьмую... мне неинтересно. Может быть, еще в гражданской жизни что-то успею. 34 года — еще не вечер! Вообще-то моя фамилия — Милай, а как-то привыкли — Милый да Милый, так и пошло. Я человек без национальности. Пишусь — украинец. Родился на Украине, рос, учился в украинской школе. Мать — полька. Отец наполовину болгарин, наполовину русский. Кадровый рабочий, металлист. В Кировограде жили. Работал в горячем цеху. Умер отец в 38 лет. Нас обворовали. Все унесли. Пришлось отцу пальто продать, чтобы нам с мамой что-то ку-

пить, а сам ходил на работу в пиджаке, шарфом заматывался. Пять километров до завода. После горячего цеха — на холод... Получил воспаление легких и не встал. Помню, как незадолго до смерти мать картошку ему жарила на масле... Я у матери единственный, в 40 лет родила... Кому это интересно... Давайте о другом... Главное зло? Да то же, что и везде — вранье. Почему люди врут? Выгода от вранья реальна и главное — сиюминутна. В то время как польза от правдивости теряется в какой-то дальней исторической перспективе. Вранье удобней, поэтому ему охотно верят и чаще всего даже не требуют доказательств. Да, конечно, вранье — преступление, но умение преподнести ложь в самом привлекательном, желательном и соблазнительном виде — это уже искусство! И ценится это искусство очень высоко. Следствие чего? Следствие коррозии морального сознания. Если человеку изо дня в день по радио, по телевизору, устно и письменно долбить — благосостояние да материальный стимул, материальный стимул да благосостояние... Вот и прыгают, вот и мечутся, не знают уже, каким богам молиться! Я через кадры провожу свой стиль руководства, стараюсь приблизиться к ленинскому... Но из шестидесяти подчиненных я одиннадцатью руководить не могу... ими папы, мамы, дяди руководят. Молодые люди получают нелегальную поддержку. Назначаю старшего лейтенанта командиром боевой части на корабль II ранга, а он — извините, у меня другие планы, я в научный институт пойду... И является к тебе потом такой... ученый... в виде инспектора. Ему бы уже десять лет назад первого ранга получить, а он все еще в третьем ранге ходит, но проверяет и проверяет... Ткни его в палубную втулку, он же не ответит, что это и зачем, он же корабля не знает... Пока ему глаза не промоешь, он же и сам не поймет, куда его занесло, кого он проверяет... Потом ему обязательно катер понадобится — за пивом в Ретинское. А мои плавсредства за пивом по рейду не ходят! Если его жажда имеет государственное значение, пусть ему штаб эскадры баркас дает!.. А когда генеральный директор привозит на черной «Волге» пьяного сына на корабль? Ему вообще не место на корабле, а я единственное, что могу сделать, это задержать звание. Так тут же слышу со всех сторон: «Вы знаете, кому вы задержали звание?» Знаю! Я бы еще и отца из партии

выгнал. Вот и получается старинная истоптанная дорожка: от бедности к богатству, от богатства к испорченности, что ж, и нам по ней?.. Чем меня в жизни соблазняют? Деньгами? У кого-то их все равно будет больше. Личной яхтой? А у кого-то будет пароход. У меня будет дом, а у другого — остров! Не тем богам молимся! Что больше всего огорчает? В мужчинах — нетвердость взглядов, в женщинах, увы, зыбкость чувства... Уж и не смотрим, с кем дружим, с кем служим, кому руку подаем... кому предлагаем...

Томилин поднялся на ходовой и подошел к Лазареву.

— Нам нет смысла особенно от берега уходить, — заметил как бы между прочим. — В общих чертах мне известно...

— Какое сегодня число?

— Пятнадцатое сентября... А год помнишь? — улыбнулся Томилин.

— В этот день у нас в школе всегда был митинг. Я 105-ю кончал на Выборгской. В войну она была одна из немногих действующих, работала в блокаду с 42 года. Большинство школ под госпиталями пошли или вообще не работали, ни людей, ни топлива. А нашу в мае 42-го как открыли, так и работала до конца войны в две смены. Они об этом знали и четко, во время пересменки, когда первая еще не разошлась, а вторая уже подходила, аккуратненько положили трехсотпятимиллиметровый снаряд прямо в школу.

— Случайный снарядишко, не преувеличивай...

— На артиллерийском плане у них наша школа шла под № 736, Гостиный двор — № 296, больница Эрисмана — № 89...

— Нормально. Профилактический огонь по плановым целям...

— Хороша профилактика. 12 октября прямое попадание в трамвай на углу Лесного и Литовской, и через три дня снова на той же остановке и снова в трамвай... И снова в пересменку, когда народа битком... На ГОМЗ смена ехала.

— И все-таки случайность! Это я как артиллерист утверждаю. Для того, чтобы попасть на расстоянии тридцати — сорока километров в точечную цель, нужно порядка тысячи снарядов. Трамвай, школа, больница — это же точечные цели!..

Комдив легко соскользнул с кресла, посмотрел на часы.
— Всегда у нас линейка была в этот день, и в эту минуту мы молчали.

Выждав приличествующую паузу, Томилин участливо спросил:

— Ты в каком году кончал?

— В 65-м... На столе у директора осколок лежал, килограмм на восемь... Часть корпуса с ведущим пояском и какая-то резьба еще внутри...

— И все-таки — гость случайный! — В Томилине проснулся профессиональный азарт артиллериста. — Ты только представь себе, какое количество факторов действует на снаряд и во время выстрела, а главное, во время его движения по сорокакилометровой траектории. Сколько слоев воздуха он проходит, и у каждого своя температура, своя плотность. Ветер, на разной высоте разное направление...

— Вообще, с философской точки зрения, на войне все снаряды, все пули, все осколки — случайны. Могли так полететь, а могли и иначе. А есть другая точка зрения, мне она ближе: если дошел до того, что по тебе и по твоему дому из пушек бьют, какая уж тут случайность. Жив остался — считай случайность... Пленные артиллеристы с Дудергофских батарей рассказывали, что выход на огневую для обстрела города, этот самый — «профилактический по плановым» — у них называлось «идем фарш готовить»...

— Ну, а если подойти к вопросу исторически, спокойно... — Томилин был настроен на ученый разговор. — Ведь, в сущности, в сущности в Ленинграде потери были очень небольшие... Я не беру в счет потери от голода. Голод — это упущение гражданских властей. Мы, военные, здесь ни при чем. А вот, так сказать, боевые потери: за 900 дней от бомб и снарядов погибло около 17 тысяч человек. Много это или мало? Возьми для сравнения Пушкин, Царское Село, там погибло и уничтожено более 18 тысяч человек гражданского населения... Нет, сейчас любят задним числом поумничать, а город был прикрыт очень прилично...

— А на Невском пятачке сколько наших полегло, у Невской Дубровки?

— Сейчас как раз новые цифры я смотрел, там что-то больше ста тысяч наших перемололи... Но их присчитывать некорректно, я говорю только про город...

Я прав, Борис Михайлович? Что вы отмалчиваетесь?— Томилин попытался втянуть в разговор Милого.

Милый улыбнулся, не выказывая никакого желания вступать в спор.

Томилин и Лазарев выжидающе смотрели на Милого, молчать было уже неудобно.

— Я думаю, все дело в том, как смотреть и для чего смотреть... Возьмите наши дела, историю флота... Сколько лет идет сотрясение умов: гармо-онично или негармо-онично был развит наш флот накануне Отечественной войны? Полощем концепцию капитана первого ранга Каталкина. Да и концепции-то никакой нет, есть нормальная привычка сладко врать, даже уже и без нужды. К чему эти разговоры — гармонично, не гармонично?.. Сравни наш флот с немецким, посчитай английские и американские корабли, количество боевых операций... Посчитай, во сколько раз у нас было больше подводных лодок, чем у немцев, посчитай, во сколько раз они меньше нанесли урона противнику, чем немцы... Нет, историку флота это в голову не приходит. Тогда картинка может быть не такая розовая, начальники не такие красивые получают... Дайка, я вверну для общей радости — гармо-онично!.. Вот у нас гармо-онично, а у противника негармо-онично... А бил нас даже не флот, а авиация противника, и был наш флот перед немецкой авиацией голенький, и Балтийский, и Черноморский, и Северный... Шесть немецких подводных лодок, базировавшихся на Шпицбергене, всю войну терроризировали наш Северный флот. А мы и не знали, что у нас на макушке их база! Вот для чего все эти тонкие-тонкие разговоры о гармонии...

Зенитный комплекс «СКАЙ БОУ» придет в тайванских войсках противовоздушной обороны на смену зенитному комплексу «НАЙК-ГЕРКУЛЕС». По оценкам специалистов разработанный на Тайване ЗРК «СКАЙ БОУ» сравним с американским комплексом «ПЭТРИОТ», но будет стоить на 20 тысяч долларов меньше.

ВО ФЛАГМАНСКОМ САЛОНЕ АВИАНЕСУЩЕГО КРЕЙСЕРА «КРЫМ» офицеры штаба пили чай.

— Жуков — личность! Ум, воля... Была цель, и он ее достигал любыми средствами!

— Правильно. Перемолоть пять дивизий, жечь людей, как солому...

— А любой другой на его месте и людей бы погубил, и дело проиграл...

— Сколько лет пытаются развалить то, что Жуков со Сталиным создали... крепко было сделано... И для Жукова не было ни званий, ни заслуг... Ну, молодежь, знаете, как Жуков приказал Горшкова Сергея Георгиевича расстрелять? — поинтересовался Рубцов.

Бубышев знал этот рассказ и считал его очень полезным для молодежи, поэтому повел полузакрытыми глазами по слушателям и едва заметно качнул головой, поощряя рассказчика.

— Аркадий Павлович не даст соврать...

Бубышев счел излишним еще раз кивать, и отсутствие с его стороны опровержения стало как бы «квитанцией» на заявление насчет «не даст соврать».

— Фронт, кажется, Толбухина... Четвертый Украинский. Сорок четвертый год. Горшков в составе фронта командует Дунайской флотилией. Адмирал. Приехал Жуков, вызвал Сергея Георгиевича... Приказ: перебросить танковую дивизию водой на 40 километров. Тот: «Товарищ маршал, задачу выполнить невозможно, не имею средств — охотники, бронекатеришки, велосипед не увезешь. А здесь 100 танков и снаряжение». — «Завтра к заходу, к 18 часам, чтобы танки были на плацдарме. За отказ выполнить приказ — расстрелять!» Тот подумал, что времена все-таки не те, 44-й год, уже генералов не расстреливают... К нему бросается Чеботарев. «Сережа! Это — Жуков! Выполняй, расстреляет!» Ну, тот все бросил. Людей согнал. Всю технику. Баржи какие-то, понтоны, плоты, все, что плавало и на воде держалось... На следующий день, как часы, прибывает военный прокурор, полковник. Зачитывает постановление трибунала: за невыполнение приказа... Горшков перебивает: 70 процентов перевезено! Прокурор на часы — 18 часов, приказ не выполнен. «Постановлением военного трибунала...» Тогда Горшков опять перебивает: не к 18 часам, а до захода солнца, а солнце зайдет в 19.40. Звоните командующему фронтом! Прокурор звонит, Толбухин подтверждает: «да, к заходу солнца...» Прокурор с двумя автоматчиками сел ждать, часы снял, в руках держит. В 19.35 не без некоторого сожаления отбыл...

— За сутки? танковую дивизию? на сорок верст по речке? Нет, моряки, лучше я в прокуратуру пойду!

— А что, ему расстрелять человека — не событие, замечание, выговор от начальства — вот это беда...

— У большого начальства всегда в кильватере такой публики полно. Шлейф несут...

— А у английской королевы длина шлейфа всего шесть метров, — неожиданно сообщил жизнерадостный капитан II ранга.

— Отец на «Свердлове» в Англию ходил, был зван на чай в Бекингемский дворец к королеве. Там предупреджали: с королевой может разговаривать только тот, к кому она сама обратится...

— И обратилась?

— К папаше? Нет. Она с командиром разговаривала, тогда наши на два якоря так стали лихо, что-то за пятнадцать минут вместо нормативного часа... Шок! Сенсация! Русские плавать умеют!

— Интересно, сколько стоит англичанам королева, двор?

— Известно, — тут же отозвался всезнающий Баранец, — шесть миллионов фунтов, ровно столько, сколько тратится в год на рекламу стирального порошка.

Бубышев приоткрыл левый глаз чуть больше и плавно приспустил веко, он любил историческое.

Вестовой подошел к адмиралу, взял у него нетронутый остывший чай и заменил новым стаканом в подстаканнике. В стакане была ложка.

Сидевший рядом начальник штаба строго посмотрел на вестового:

— Товарищ старший матрос, обратитесь к старшему помощнику командира корабля, пусть он объяснит вам, где должна быть ложка. Так и скажите: я подал чай с ложкой в стакане.

Матрос замер с тарелкой в руке.

— Виноват! товарищ капитан первого ранга!

— Выполняйте!

— Есть! — матрос вытянулся, сделал оборот через левое плечо и покинул салон.

— Моряки, а командира на «Хмуром» утвердили или с дублером ходит?

— Куда его утверждать, это Ковалю-то? Румяненький еще, розовенький...

— Да? Об этого румяньего сам Быков зубы сломал. Не слышали?

— Владимир Петрович?

— Он самый! Стоит Быков в заводе, а тут приятель его подваливает с Новой Земли. Они к Ковалю: «Командир, нужен катер в Мурманск сходить. Дай катер, и чтобы полная заправка». Тот: «Хорошо. К какому часу?» — «Ну, так к 15 часам». — «Какой причал?» — «Давай к морвокзалу». — «Хорошо. Расчет в долларах». — «Командир, какие доллары?» А тот: «Вам нужен катер, а мне доллары нужны. Будут доллары, будет катер. Не будет долларов, и катера не будет». — «Командир! Ты чего?.. Ты же понимаешь... Это не разговор!» А он: «Вы командир и требуете то, что вам нужно. Я командир и требую то, что мне нужно. Чего ж тут не понять?» — «Ну и нахал! Я думал — это мы с тобой нахалы, а ты посмотри, какие нынче растут!..» И поплелись друзья на автобус № 105 висеть на поручнях. Вот тебе и румянький!

— Где КУГ?! — басовито пророкотал Бубышев, ни к кому не обращаясь лично. — КУГ где?

НАД РАСЧЕРЧЕННОЙ КРУГАМИ И СТАРТОВЫМИ ЛИНИЯМИ взлетной палубой крейсера «Крым» раздавался прерывистый и тревожный, как звонок междугородного телефона, сигнал тревоги.

В мгновение ока в кабинах стоявших на боевом дежурстве «Яков» уже сидели летчики; техники, освободив самолеты от палубного крепежа, отбегали на безопасное расстояние, гремя приставными лесенками и покрашенными в красное колодками колес...

В боевом информационном центре, считывая показания с приборов дальнего обнаружения, дежурный оператор четко докладывал:

— Цель воздушная. Удаление 30, курс 196, пеленг 16, скорость 450. Цель на запрос не отвечает. Цель сопровождаю.

«Нимрод» не мог себе позволить пройти над кораблем на бреющем полете, облетел чуть стороной и на вполне уважительной высоте, метрах на двухстах.

— У них четыре эскадрильи «Нимродов», — как приятную новость докладывал смешливый офицер штаба Ба-

ранец адмиралу, расположившемуся в высоком кресле на КП крейсера «Крым». — 120-я — филин с красными глазами, 42-я — Меркурий в голубом диске, 201-я — голубая чайка в белом круге и 51-я разведэскадрилья — красный гусь на белом фоне...

Как хороший артист, Баранец выждал паузу, дождался, пока адмирал заметит его присутствие и сделает движение головой, которое хотя и было почти незаметным, но для наблюдательного глаза было явным свидетельством нетерпения. И тогда уже Баранец заговорил совсем легко, раскованно, со смешинкой.

— Супостат этот передавал на свою базу данные по КУГУ Лазарева. Работают они в открытом режиме, так что все как на ладошке.

— Чем это вы сняли с «Нимрода» информацию? — на всякий случай поинтересовался ревнивый Рубцов.

— А это не мы. Ни нам, ни Лазареву с «Нимрода» данных не снять. Это берег записал... Сережа Дунаев, ну, и подкинули по старой дружбе нужную информацию... Мы на классах вместе были... — И уже официальным тоном закончил: — Данные внесены в обстановку. Что-то у них «Грозный» стал вываливаться. Назревают новые небоевые потери у товарища Лазарева...

Голова Бубышева закачалась едва заметным движением вверх и вниз, давая понять, что все услышанное было им предвидено и предсказано...

У ВХОДА В ПОМЕЩЕНИЕ ПОХОДНОГО ШТАБА ДИВИЗИИ, занявшего обширное помещение в тылах ходового мостика «Хмурого», стоял на часах матрос в каске с автоматом.

На ФКП¹ среди зашторенных карт и схем, развешенных по стенам и на высоких подставках, среди приборов, по преимуществу зачехленных и опломбированных большими сургучными печатями, как посылочные мешки, томился бездельем дежурный старшина, паренек с двумя лычками на матросских погонах. Он подошел к дисплею, достал из кармана книжечку «боевой номер», полистал, нашел что искал и включил прибор. Засветилась табличка — «К работе готов». Стукая одним пальцем по клавиатуре, матрос написал на экране: «Старпом

¹ ФКП — флагманский командный штаб.

Сайко — чудище обло, озорно, стозевно и лайй». На экране засветились крупные четкие буквы.

Матрос полюбовался и нажал клавишу «сброс».

Надпись исчезла.

Матрос ткнул еще в какие-то клавиши, и надпись, выскочив из цепкой памяти умной машины, засветилась снова. Человек вступил в схватку с машиной, лихорадочно листая книжку, он нажимал одну группу клавишей, другую, на экране возникали то столбики цифр, то какие-то символы, обозначающие воздушные, надводные и подводные цели, но постоянно и вдруг всплывала обличительная надпись про старпома. Вскоре на ФКП появился и сам старпом.

Матрос вскочил, загораживая спиной экран.

— Вольно, несите вахту,— бросил Сайко и прошел к столу в дальнем углу.

Матрос, преодолев оцепенение, чуть подвинулся, продолжая закрывать экран.

— Работайте, я вам сказал,— Сайко лишь мельком поднял глаза на замершего матроса и снова склонился над какими-то бумагами, выискивая нужные позиции в бесконечных инструктивных перечнях.

— Товарищ старшина второй статьи, вы меня плохо слышите или у вас прибор для сидения не в порядке? Я приказываю вам сесть на рабочее место. Исполняйте!

Матрос сел, придвинув голову к самому экрану, стараясь закрыть как можно больше пространства.

Сайко, не обращая внимания на странноватое поведение старшины второй статьи, нашел то, что его интересовало, и, лишь уходя с ФКП, невзначай повернул голову в сторону дежурного. Надпись заинтересовала его, он подошел и встал за спиной матроса.

— Товарищ старшина второй статьи, чем же вам так дорога эта фраза, что вы ввели ее в глубины памяти машины? Вам трудно ответить на мой простой вопрос? Ответьте тогда на такой вопрос, откуда вы призывались в Вооруженные силы?

— Из Ленинграда,— тихо сказал матрос.

— Нет, не из Ленинграда, не из города-героя, не из колыбели нашей революции, а из комиссионного магазина вы призывались. Вы же в армию прямо из-под следствия побежали... Но благодаря вам и таким как вы я понимаю смысл моего присутствия в армии. Вы же

гвоздя за всю жизнь не забьете, вы же для государства, для народа пальцем не пошевелите, а здесь будете два года целый крейсер обслуживать, может быть, научитесь все-таки чему-нибудь не только для себя, но и для людей полезному. От несения самостоятельной вахты вас отстраняю. Доложите командиру группы.

— Есть доложить командиру группы.

— Не наказываю вас исключительно из сочувствия Радищеву.

— Это ТрEDIAKовский, товарищ капитан третьего ранга.

Сайко с недоверием посмотрел на моряка, подошел к пульту дисплея и с быстротой профессиональной машинистки написал: «С мнением ознакомился. Старший помощник командира корабля Сайко».

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ КРЕЙСЕРА «ХМУРЫЙ» румяный командир Коваль проводил командирскую обсервацию. Стремительно перебегая от пеленгатора на крыле сигнального мостика левого борта к такому же пеленгатору на сигнальном мостике правого борта, он на ходу выкрикивал пеленг, курсы, градусы, взятые по неведомым ориентирам. Зрелище для стороннего глаза довольно странное: все на ходовом, вся вахта и офицеры походного штаба пребывают как бы в неподвижности, погруженные в наблюдение или неторопливые занятия, лишь один человек пробегает, кричит... а на него никто и внимания не обращает, и только вахтенный офицер молча внес в журнал данные командирской обсервации...

Рядом с продуваемым всеми ветрами местом несения своей вахты сигнальщики держат гири, гантели и даже маленькие штанги — верное средство, чтобы прогнать сон и хоть немножко согреться. Коваль в спешке пребольно ударился о подвернувшуюся гирю, кожаный больничный тапок, любимая офицерская обувь на корабле, защитил слабо, и теперь командир, чуть прихрамывая, возвращался на правое крыло, чтобы объяснить сигнальщику, что такое боевой пост и в каком виде его следует содержать.

Увидев хромающего командира, сигнальщик вынул руки, засунутые в рукава бушлата, и принялся зорко обзирать горизонт в бинокль.

Коваль поискал глазами и не нашел гири.

— Где гиря, Холин? — строго спросил командир.

— Я за нее расписывался, — негромко сказал Холин.

— Я не спрашиваю, украл ты ее или купил, где гиря?

— Гиря здесь, товарищ командир, — Холин кивнул на прикрытый брезентом инвентарь.

Коваль пристально смотрел в виноватые глаза матроса, не зная, как же разрешить ситуацию, вдруг взгляд его скользнул дальше...

— Бинокль!

Сигнальщик снял с шеи большой морской бинокль и протянул командиру.

— Кит... — едва слышно прошептал Коваль. — Кит... Кит! Киты вернулись!

Коваль влетел на ходовой со счастливым мальчишеским лицом. На крыло сигнального мостика повалили офицеры.

— Кит! Китяра!! А здоров-то, здоров, как «Ваня Вашингтон»!

— Восемь лет китов не было! Восемь лет!..

— Вернулись!

— Может, бродяга какой-нибудь... больного Гольфстримом занесло?

— Сам ты больной! Это джигит! Смотри струя какая! У тебя такой и в училище не было... Самсон!

— «Ходовой» — «Рубка акустиков», — раздалось по трансляции. — Цель надводная. Дистанция 15 кабельтовых. Курс 62. Пеленг — 130. Опознать затрудняюсь...

Отпрянув от окуляра пеленгатора, Томилиן посмотрел на градуировку:

— Пеленг — 130... Подтверждаю!

По сигнальному мостику прокатился смех.

Лазарев вернул командиру бинокль и взял рожок радиосвязи:

— «Рубка акустиков» — «Первому». Прием.

— «Первый» — «Рубка акустиков». Прием. — Тут же отозвался динамик.

— Пеленг — 130, удаление 15 кабельтовых. Цель опознана. Это кит, ребята. Благодарю за внимательное несение вахты. Командир дивизии.

Идя встречными курсами, каждый по своим делам, КУГ и кит разошлись довольно быстро.

Вернувшись на ходовой, проходя к своему креслу, Лазарев взглянул на гироскоп.

— Что у вас с гироскопом?

— Проверяли,— тут же отозвался Коваль.

— Разбежался по циркуляции,— угадав причину вопроса, пояснил штурман.— Сейчас встанет на «ноль».

— Что это он у вас «разбежался», определяйтесь точнее,— Лазарев в кресло садиться не стал, а, разминая ноги, несколько раз поднялся на носки и с силой опустил на пятки, увидел подошедшего Томилина и заговорил так, будто их разговор и не прерывался.

— Ты мне грамотно руки выкручиваешь. Ты знаешь, я не могу, не в состоянии переварить такое количество бумаг и документов. Мне же работать некогда...

— Извини, но работу я должен видеть. Что я покажу, что я предъявлю, где документы?

— Борис Михайлович, сколько у вас идет переписки по БЧ-5?— Лазарев обернулся к Милому.

— Округленно около 500 входящих и 200—250 исходящих. Я к стулу хорошо придавлен. Электро-механическая часть не в состоянии переработать такое количество бумаг.

— Армянское радио спрашивают,— досадливо усмехнулся Лазарев,— что будет, если в наш образцовый крейсер ракета попадет? Отвечают: три дня и три ночи над морем будут бумажки летать, входящие и исходящие... По-моему, главным человеком на флоте стал писарь. Он один только и знает, где взять ту бумажку, с которой надо списать все для составления новой бумажки. Я бы вообще на корабле оставил только две пишущих машинки, а то любой, извини меня, СКРишко¹ заводит у себя чуть не крейсерскую канцелярию.

— Так говоришь, будто я придумал всю эту писанину! Станешь главкомом — отмени.

— Я был в школе комсоргом, а заместителем у меня был Боря Самарин, заместитель по идеологии... Идейный был до мозга костей. Двадцать лет не виделся, в Ленинграде были в Мариинке, на «Хованщине», смотрю — Боря или не Боря? Скуфейка, подрясник... Оказывается, приезжал глава Всемирного совета православных церквей доктор Блейк, вот Боря был в сопровождающих... Бросил он своего доктора, там и без него народу хватало, так мы с ним два антракта прогуляли. Он уже секретарь Епархиального управления, персона, иерарх! Поинтересовался я, как у них в управлении с перепис-

¹ сторожевик.

кой, документацией, канцелярские дела... Оказывается, крайне просто. Никаких резолюций, отношений, параграфов, входящих-исходящих... Все по сути сводится к двум словам: благословил или не благословил. Человек, от которого зависит решение вопроса, или благословляет или не благословляет! Все! Спрашиваю, а кадровые дела? Тоже просто. Звоню, говорит, батюшке в Важино: «Отец Палладий, вам назначено служить в Антропшино. С богом». И весь разговор. Тот подхватывается со своей матушкой-попадьей, передислоцируется в Антропшино, приехал, служит...

— Через тысячу лет, может быть, и у нас такой порядок будет! — расхохотался Томилин.

— Нет, при нынешних порядках нам до трехтысячного года не протянуть,— без улыбки сказал Миль.

Жизнь шла своим чередом. Пропел сигнал горна, и тут же раздалось по трансляции: «Закончить осмотр и проверку орудий и технических средств. От мест отойти!» Еще через десять минут последовало: «Команде руки мыть!» И наконец:

— КОМАНДЕ ПИТЬ ЧАЙ!

Пили чай на «Хмуром» в полупустой кают-компании.

— Помнишь этого особиста? Длинный такой...

— Штатив с веснушками!

— Товарищ «нюх-нюх»...

— Да бросьте вы, отличный малый. Я с ним на боевую ходил. Пять баллов... Я про другое. Светку знаете?

— Как дверную ручку в штабе, все подержались.

— Да ладно тебе, у человека со Светкой любовь была, все по-настоящему... Любил эту рыжую сучку, как слепой ходил... Замуж уговорил, заявление подали. Полный вперед! В Мурманске должны были зарегистрироваться...

— Правильно, наш загс всех свидетелей бы не вместил!

— Гуляли как-то вечером по Сафонова, ну и кто-то из подворотни высказался, в общем, оскорбил Светку... Жених этого чухрика догнал и рыло начистил ему грамотно. И представляешь, Светка на него: «Как ты мог бить человека?» И все, как отрезало.

- Не оценил штатив ее запасов человеколюбия...
- Его и на курсы какие-то хитрые взяли, и женился он через год, а счастья ни в одном глазу...

Пили чай на «Грозном».

— Лешка скупой? Ты скупых не видел! Куда ему?.. Подполковник был из морских летчиков, в футбол за «Щуку» играл, сначала край бегал, потом в защите... Скупой был патологически, даже чай пить приходил к нам на корабль. Скопил 100 тысяч, вышел на пенсию и утонул в речке. Даже женат ни разу не был...

Пили чай на «Резком».

— «Киров» стрелять ходил, а мы в сопровождение, они же все наши стрельбы пишат. Возвращаемся, около Медвежьего теряем ход, то ли подкачивающие насосы сели, то ли нагнетающие...

— Какие насосы? В топливопроводе вода была...

— Не важно... Командир механика разносит, кроет его последними словами на мостике при всех, а в это время с флагмана запрос: «Дайте срочно данные на механика на награждение «За службу Родине» III степени...» А у него в это время шайками топливо таскают из цистерн в систему сепарации...

— И представил?

— Бондаренко-то? Конечно. С Бондаренко можно было служить.

— Моряки, а топливо-то все хуже и хуже, раньше прозраченькое было, а теперь как самогон...

Пили чай на «Бойком».

— Сын школу кончил, мне на выпускном вечере, как говорится, перед строем благодарность за воспитание. Сам в институт поступил, в ЛИИЖТ, автоматические релейные линии на транспорте... Сам поступил, в наше время это редко... Год проучился, бросил. Пошел в училище, в «Ленинский комсомол», тут уж я помог. Снова бросил. Вернулся. Опять ушел. Служил срочную в ПВО. Первый год его по почкам лупцевали, второй год — он. Гляжу на его компанию, в двадцать лет хотят зараба-

тывать не меньше, чем я после двадцати лет службы. Не меньше! Вот и бросаются то в рыбацкую какую-то артель, то на стройки... И результат? Да пьянка! Жениться решил. Привел... Да, думаю, большую грудку раскидал, пока нашел. Говорю ему: на что тебе нужны после Степки с хлеба?.. Единственное — не врет, где был, где таскался, по каким подвалам и преисподням... Он и преступление совершит — врать, откручиваться не станет. Утешение, конечно, слабое...

Пили чай на «Ловком».

— Я читал, что на самом деле Бухарин был руководителем эсеровского восстания в Москве.

— Прочитать это нельзя. Это может только присниться.

— А тебе всегда надо свои точки расставить. За что тебя люблю. Ум из тебя так и прет, так и лезет. Надоело. Давайте списки выступающих проверим. Кто первый?

— Бухарин первый.

— А ты не думаешь о том, что однажды можешь мне надоесть?

— И что тогда будет?

— А вот тогда уже я начну думать.

— Чем?

Пили чай на «Верном».

— У Фролова в бригаде завалили ракетные стрельбы. Но это же Фролов! На разборе, как ни в чем не бывало, не моргнув глазом, докладывает: «Давайте разберемся фактически!.. Обнаружение было? Было! Слежение было? Было. Готовность была? Была. Цель вели? Вели. Сход ракет был? Был». — «Так попаданий не было!» — «Ну это один из элементов... а оценивать давайте по сумме всех элементов... Обнаружение было? Было!..»

— Уговорил?

— Когда по третьему разу пошел: «слежение было?», «готовность была?» — командующий уже рассмеялся и посадил его. Два шара. Можете ослабить ногу!

В КАЮТЕ ФЛАГМАНА КУГА ЛАЗАРЕВ И ТОМИЛИН ПИЛИ ЧАЙ.

— Не было в войну двух одинаковых командиров, даже чудачества принимались как должное. В войну на удачливого командира молились — он победил, он людей спас. — Лазарев заваривал чай сам, в кружках из толстого фарфора. — А удачливый кто? Умный. Решительный. Способный пойти на риск. В мирное время все это не звучит. Выращиваем исполнителей, а говорим о традициях, себя уговариваем...

Томилина тянуло в сон, он рассчитывал на крепкий чай и спорить не хотел.

— Откуда у тебя японский чай?

— Это только коробка. Там смесь.

— А правда, говорят, в Японии есть бани, где вместо мочалки — баба? Представляешь?

— Представляю, — автоматически сказал Лазарев, думая о своем. — То есть, что я?.. Какие мочалки? Речь идет даже не об армии, дефицит на неординарную личность.

— А если нету? — вяло сказал Томилин. — Где ты их возьмешь?

— Неправда! Мы не флот двадцатилетней давности: «мандариновые» походы до Батуми, сбор-походы до Кильдина! Мы уже не прибрежный флот. И благонравным середнячком с таким флотом не справиться. Что ж вы не видите тех, кто много плавал в океане, кто владеет техникой, кто натовцев напрямую видел? Только они почему-то оказались неудобными не только со своим мнением, но и с объективной информацией, которую у них никто не спрашивает. Спрос на мастеров натягивать парадный мундир на больное тело.

— Ладно. Вопрос на засыпку, — Томилин просто-душной улыбкой прикрыл серьезность своего интереса. — Ты офицер. Я офицер. Ты первого ранга. Я первого ранга. Ты с академией. Я с академией. Ты член партии. И я член той же самой партии. Но держишься ты все время так, извини меня, грешного, будто разница между нами непроходимая?

— А как же... Ты — Томилин, я — Лазарев. Мне фамилия не позволяет, аж с курсантских времен, ни шею гнуть, ни позвоночник.

— Прекрасно твой однофамилец служил батюшке-царю и был его императорского величества — по-о-о-корнейшим слугой!

— Покорнейшим слугой был, а покорнейшим холопом не был! И нас он с тобой переживет, потому что служил не Бубышеву и даже не Романову, а флагу и кораблю!

— Что за время пошло! Молодеют люди на глазах. Да пойми, мы с тобой не на ярмарку, мы с ярмарки. Плавать, воевать, дивизией командовать и удивлять начальство смелостью хорошо, когда тебе сорок лет, а не под пятьдесят...

— Торопишься постареть?

— Лапы у меня нигде нет, за волосы меня никто не тащит, ты знаешь, и оставлять с позором свое место я не хочу. И рисковать ради честолюбия азартного комдива не буду. Ты — Лазарев, а я — Томилин. Пусть молодые рискуют, с них спрос другой.

Оба замолчали, припав к обжигающим ладони кружкам.

— Если мы в драку не полезем, если мы не станем называть вещи своими именами, то молодые и подавно, — как-то уже без азарта сказал Лазарев. — Не так мы их воспитали. Это мы в них вколотили привычку смотреть в рот начальству, в глаза и даже в брови. Нахмурился начальник, давай быстрее реагируй!..

В каюту постучался и вошел вахтенный офицер:

— Товарищ капитан первого ранга, походный штаб по вашему приказанию...

— Сейчас идем. Пошли, Юрий Олегович!

Итальянская фирма «БРЕДА МЕЖКАНИКА БРЕШАНА» создала 30-мм одноорудийную башенную артиллерийскую установку для вооружения кораблей и катеров. Скорострельность 800 выстрелов в минуту! Имеет небольшие размеры и массу 1,2 тонны, дистанционную и автономную системы управления!..

НА ФЛАГМАНСКОМ КОМАНДНОМ ПУНКТЕ КРЕЙСЕРА «ХМУРЫЙ» Лазарев вел оперативное совещание походного штаба.

Слушали Лазарева всегда с интересом, и дело было даже не в том, что он говорил, а говорил обычно по делу и только по делу, не в спокойной уверенности в собственной правоте, способной заразить податливые души

подчиненных, даже напротив, в его интонациях и какой-то произвольной усмешке, в крохотных паузах была располагающая стеснительность: дескать, говорю общеизвестное и каждый из вас на моем месте также был вынужден говорить о вещах простых и очевидных... ничего сверххитрого в деле нашем нет, но тем более выполнить надо все основательно и серьезно...

— Важнейшим элементом понимания любой конфликтной ситуации — в зале суда, на рыночной площади или в вооруженном конфликте, является уровень проникновения в образ мыслей противника... Итак, наш противник располагает более мощными средствами обнаружения, располагает хорошей разведывательной авиацией, и не только пребывает в убеждении, что нам не удастся остаться незамеченными, но и представляет, на каких рубежах он нас обнаружит... Давайте считать. Самое главное в современном бою — дефицит времени. Цена каждой минуты вырастает неимоверно. Найти, выкроить, выиграть 3—4 минуты упреждения, значит решить задачу, а может быть, и выжить. Вся эта пошехонщина: пришли, когда смогли, сами себе время назначили, сами попадания посчитали, все это кончилось навсегда... Противник превосходит нас по количеству ракет в залпе, по дальности, имеет более «длинную руку». Значит, победит тот, кто лучше отработан, лучше накатан, кто быстрее нанесет удар. К слабым сторонам противника можно отнести только — уверенность в своем полном превосходстве, это первое, и меньшую маневренность и низкую скрытность, это второе. Обладая большей скоростью и меньшей радиолокационной отображаемостью, мы должны исчезнуть и обрушиться внезапно, когда нас не ждут. Задача первая: с 20.00 наш КУГ, как единая боевая группа, наблюдаемая в этом качестве противником, перестает существовать. Мы расходимся, и каждый корабль своим маршрутом идет к банке Лоренса, к рыболовному промыслу, там рандеву. Следующий этап... — бросил взгляд на Томилина, — будет определен в деталях на месте встречи. С 20.00 всю излучающую аппаратуру отключить. Работаем только на прием. Назначенный ход — 30 узлов. Сможем обеспечить скорость, сможем обеспечить маневр, сможем обеспечить внезапность — значит сможем вломить этому эскадренному каютоносцу... Потом нам будет плохо, но это уж потом. Знаете эту итальянскую песенку? «Люблю я макароны, люблю я макароны, ем их без

остановки, потом мне будет плохо, но это уж потом...» У меня все.— Заметив, что один из операторов подошел к Милому и что-то доложил, увидев, как помрачнел фляг-мех, Лазарев поинтересовался: — Что у вас, Борис Михайлович?

— «Грозный» теряет ход, не могут обеспечить даже установленные 15 узлов, просят 12.

— Выясните, пожалуйста...

— Прошу разрешения,— ритуально произнес Милый и покинул ФКП.

Офицеры расходились по своим постам.

Лазарев и Томилин вышли на ходовой.

Томилин несколько раз оглянулся, чувствуя, что мы ждем.

Наконец, посмотрел нам в глаза, усмехнулся, давая понять, что все равно всего не скажет, и заговорил:

— Я высказываться не люблю... К чему все эти моно-логи? Сейчас все разговорились, особенно модно — в ду-хе покаяния... А мне каяться не в чем. Военные вооб-ще не должны каяться. И много, кстати, разговаривать.— Замолчал так, что можно было подумать, речь на этом и кончилась. Нет, все-таки продолжил: — Не помню, что-бы особенно разговорчивые чего-либо достигали в армии или на флоте. Даже в политорганах, по-моему, у немно-гословных служба лучше идет... О чем я думаю? Лично я? О том же, о чем и лично вы. О семье думаю... О жене... Без малого двадцать лет на скалах просидела... О себе думаю. Скоро финишная прямая... Думаю, когда же, на-конец, все эти перестройки кончатся и можно будет жить нормально? О детях думаю, как им жить, какими вну-ки будут? Очень интересно?... Одну минуту. Телеграмма «зас»...

Перед Томилиным, приложив руку к линиялому берету, стоял, не моргая, матросик с серым лицом человека, почти не бывающего на свежем воздухе. Через плечо у матро-сика на ремне был укреплен плоский школьный портфель с огромными цветными буквами и металлическими ро-зетками с пластилином для опечатывания. Вид у матро-сика был крайне утомленный, не исключено, что и за-спанный.

Томилин принял секретную телеграмму, расписался, где положено, прочитал, вернул, снова расписался и, увидев брошенные в его сторону взоры офицеров, гром-ко объявил:

— Спасибо, моряк! Тебе «добро» идти спать!

Моряк вскинул испачканную чернилами почти детскую ладонь к берету, повернулся и с неподвижным лицом отправился выполнять приказание.

— Я не против перестройки... Не надо! Были они всегда, эти перестройки, только по-разному назывались... Я сегодня правил игры не знаю, и никто не знает... «Давайте жить честно?» Давайте! Рассказываю. До приказа министра все припрятывали случаи неуставных и вообще нарушения, показывали 10—12 эпизодов, как у всех... После приказа — пошло! Стали поддерживать командиров, не скрывающих нарушения, искренних командиров поощряют с трибуны, нахваливают, в пример ставят в прессе, выдвигают... Все нарушения — в отчет! 20-30-40 нарушений — все как на духу! Ладно. «Тюмень», штабной корабль, отличный корабль, ходил на обеспечение и в Атлантику, и в Средиземное, и на Кубу... Надежный корабль, крепкий командир. Подал командир честную справку, в духе времени, через две недели приказ: объявить неполное служебное соответствие, с должности снять, отправить на консервацию, ну, на неплавающий корабль, где экипаж 20 человек... Год ходил мужик, правду искал. Год! Через год все ему вернули... Нашел правду! Думаете, обрадовался? Ничего подобного, подал в запас. Не хочу служить — все перегорело! И ушел. Такие истории воспитывают сильнее, чем любой доклад и лозунг. После этого случая с «Тюменью» специально лектор приезжал из Политуправления ВМФ, разъяснял все преимущества честной жизни... Человек 200 нас сидело, слушали, а каждый про себя четко знал: черта с два, меня на мякине не проведешь... Ладно. Разговорились... Тогда для симметрии такой пример. Капитан третьего ранга из нашего управления, здесь он с нами, сейчас на совещании был, блондинистый такой, из вологодских... Подал в партком два года назад заявление: «Прошу исключить меня из рядов КПСС, так как в партии процветает формализм, мешающий работать и жить. Точка. Подпись. Член КПСС с 1976 года, номер билета такой-то». По мне, так выгнать его, к чертовой матери, и все... Но что тут началось! Какие беседы! какие встречи! какие вопросы! какое внимание!.. Чем вы недовольны, только конкретно? В чем вы нуждаетесь, только конкретно? Чего вам не хватает? В чем видите формализм, только конкретно?.. Квартиру дали двухкомнатную, к следую-

щему званию представили... Замполит Дима Носюкович всю работу забросил, только вокруг этого типа и вился... Уломал, уговорил его своими руками заявление порвать... Так когда тот рвал, он его еще за руки держал, чтобы не передумал. Тот порвал наконец. Дима тут же побежал в политотдел — как с победой! Еще бы, какой пожар погасил! Многие бы на нем погорели... А тому типу дали еще и орден «За службу Родине», это чтобы снова чего не написал... Что я этим хочу сказать? Ничего. Хочу сказать, что жить надо — молча, и в пору гласности, и в пору всеобщей демократизации. Жизнь не по нашим правилам устроена, не по нашим правилам идет, и знать, как и когда эти правила переменятся, нам не дано. Что все пытаются отделить прошлое от будущего, а как их разделишь, если граница-то вот здесь проходит...— Для наглядности Томилин провел ребром ладони по пуговицам на тужурке.— Эпоха застоя, такое ей название придумали. А ведь это как посмотреть... Я бы ее назвал «Эпоха Дружеских Услуг»! Эпоха расцвета дружеских услуг! Застой преодолеем!.. Раздадим торпедные катера на семейный подряд... Сдадим эсминцы в аренду... А вот с дружескими услугами как быть? На сегодняшний день это единственная надежная вещь в жизни? Или у вас есть что-нибудь понадежней?.. О Лазареве? — Томилин посмотрел на Лазарева, спокойно попивавшего чаек в своем флагманском кресле.— Можно и о Лазареве. Все считают, что Лазарев умный. Не знаю. Во всяком случае нет большей глупости, чем побеждать, когда твоя победа никому, кроме сотни безмолвных лейтенантов, не нужна. Почему? Да потому, что победа — условная, поражение — тоже условное. А вот для того, кто эти условия нарушает, кто со своими правилами идет в монастырь... Обратили внимание — комдив, четвертый год в должности, а капитан всего лишь I ранга, а должность — адмиральская. Что нужно для победы? Во-первых, проиграть «восточным», мы же «западных» изображаем, вообще, мы как бы атомный ракетный крейсер «Вирджиния». И проиграть надо умно. Вовремя выйти в район. Я это фиксирую. Правильно маневрировать. И это в плюс. Показать работу средств связи. Готовность оружия к действию, и, наконец, правильно имитировать бой. Все. Больше ничего не надо. Все! Условное поражение крейсера «Вирджиния» и безусловная победа крейсера «Хмурый». Кстати, вчера по фототелеграфу газету при-

няли. «Вирджиния» ведет обстрел ливанской территории. Они стреляют, а мы играем...

Проходит испытание швейцарский самоходный противотанковый ракетный комплекс на базе колесного бронетранспортера «ПИРАНА». Пусковая установка противотанковой управляемой ракеты «ТОУ-2» разработана норвежской фирмой «ТЮНЕЗУРЕКА». Боекомплект составляет 10 ракет. Мощность дизельного двигателя 300 лошадиных сил. Запас хода 500 километров.

Экипаж — 5 человек!

ТЕМЬ СТОЯЛА ТАКАЯ, будто и море и небо выложили черным сукном и во всем мире погасили свет. Каким-то бесконечным иступленным выдохом гнали в черное непроглядное небо пахнувший соляжкой газ прямоугольные, лепящиеся друг к дружке трубы.

Корабль, как умная гончая, сам выбирал, где лучше прыгнуть через волну, подмяв ее под себя, а где лучше чуть поднырнуть и мягким движением корпуса вверх перекинуть водяной вал от бака к юту. Обманутую волну уже перемальвали винты, а в короткие мгновения затишья ручейковый звук сбегавшей сквозь шпигаты воды казался невинным и домашним.

Ходовой мостик «Хмурого» был погружен в темноту, только пульт радиосвязи был усыпан зелеными светлячками да крохотные лампочки и светильнички уютно подсвечивали приборы, стол вахтенного офицера и репитер перед рулевым; чуть посветлей было в штурманской выгородке, где по затемненной карте едва заметно скользила лучистая звездочка автопрокладчика.

Единственным светлым пятном на мостике было лицо матросика, дежурившего у новенького прибора обнаружения подводных лодок. Молочно-зеленоватый отсвет от экрана делал лицо матроса, следившего за индикаторным лучом, похожим на лицо несвежего мертвеца, но это для постороннего глаза. На мостике были только свои, люди привычные, посторонних глаз не было.

Неподвижные силуэты офицеров, казалось, принадлежат не людям, а статуям, спешно доставляемым куда-то несущейся в темноте громадой, все звуки, проникавшие на ходовой по радиосвязи, были торопливыми и невнятными, как голоса во сне.

Глаза уже привыкли к темноте, и Лазарев видел, как нос чуть проваливается перед крутым водяным валом, как волна подламывается и прокатывается по баку, оmyвает люки главного ракетного комплекса, шипя и пенясь, бросается на артустановку и, развалиясь надвое, летит к штафуту... А корабль лишь пружинисто приседал, как хорошо подрессоренная машина, раскачивался мерно и с достоинством принимал новую волну... Лазарев вспомнил свой первый корабль, на котором первый раз в жизни отведаль шторма; валит его сейчас градусов на 30—35, а ведь «Хмурый» шел, даже не выпростав успокоители качки... Лазарев ощущал мореходное совершенство крейсера, как пилот телом бессознательно чувствует надежность двигателя и крыльев, как гонщик, лихо пройдя поворот, испытывает благодарность к машине. Ощущение совершенства корабля не занимало мыслей, оно было лишь чувством, чувством надежности и покоя, из мыслей не уходил Томилин.

— Ну что за сила в тебе, Юрочка Томилин?.. Идешь ты по ступенечкам от должности к должности, как божья коровка, и не торопишься, но нигде и не задерживаешься, не останавливаешься, топ-топ-топ... И есть в тебе какое-то очарование, что ли, для начальства... И всегда за час до смены галса у тебя уже нос сам поворачивается на новый курс. Может, это потому, что уже привык глазом косить, высматривать, как бы свою бессмертную душу повыгодней поместить...

«Грозный» терял ход, и это было главным событием, разговаривали так, будто где-то рядом был тяжело больной и его боятся потревожить. Неприятности, как правило, сами по себе бесцветны, их расцветчивают наши чувства, наши страсти, темперамент и, главным образом, ощущение собственных возможностей.

На мостике было спокойно.

Милый стоял с микрофоном в руках перед рацией, шипевшей и трещавшей, как сковородка с салом, только флагмех напоминал все-таки не повара, а врача, которому предстоит провести операцию по радио. Главное в этом деле — не напугать человека, которому придется, может быть, первый раз в жизни, взять в руки скальпель, наточить его, проверить остроту и по чужой команде сделать надрез по живому. Милый почувствовал на себе взгляд Лазарева.

— Матчасть надежна, когда она каждый день в рабо-

те. А после полугодовой стоянки месяца три будут вылезать сюрпризы,— как о предвиденном и неизбежном сказал Милый.

— Жаль, что вы это говорите, когда уже винты останавливаются, а не когда принимали корабль,— в тон Милому проговорил Лазарев.

Мигнула красным и заработала рация, самое удивительное, что треск, шум, какие-то харкающие звуки, какие-то писки не помешали Милому понять все, что имел сообщить абонент.

— Не может расходная система быть пустой из-за топливных фильтров двигателя. Доклад ложный, неграмотный. Кто докладывал? Вопросительный. Прием.

Выяснилось, что докладывал вахтенный механик. Милый напомнил ему, что его место у двигателей, и вызвал легендарного Пегова.

— Вроде бы пеговский папаша закатился? — услышав знакомую фамилию, поинтересовался Лазарев.— В Сомали куда-то отправили.

— Увы, непотопляемый папаша.

— Говорят, он племянник того Пегова, при Подгорном, помните? — раздался из темноты голос Томилина.

— Если и племянник, то внучатый,— уточнил Милый.

«Мичман Щербина — прибыть в рубку дежурного!» — прозвучал клич по корабельной трансляции.

— Командир! — Лазарев обернулся в сторону Ковалья.— Я уже третий раз слышу приглашение мичману Щербине в рубку дежурного. Это радиосеть крейсера или ГУМа? Вызовите посыльного, пусть отыщет этого Щербину и отведет за руку в рубку дежурного. У вас скоро хлебoreза на хлебoreзку будут по боевой трансляции вызывать.

«Хлебoreзу Струве — прибыть на хлебoreзку!» — донеслось по трансляции.

На ходовом вдруг стало тихо-тихо, было слышно, как волна шлепнулась о борт и с шипением откатилась, будто где-то внизу, в темноте была набережная.

— Коваль, вы меня поняли? — поинтересовался Лазарев.

— Так точно! — откликнулся командир, и тут же по трапу просыпались шаги помощника вахтенного офицера, отправленного наводить порядок.

Снова заработала рация, на этот раз голос «Грозного» донесся отчетливо и внятно:

— Командир трюмной группы старший лейтенант Пегов на связи. Прием.

— Кто снял с вас обязанности исполняющего должность командира БЧ-5? Вопросительный. Прием.— Спросил Милый.

— Доклад ошибочен. Исполняющий обязанности командира БЧ-5, старший лейтенант Пегов на связи. Прием.

— Доложите, что там у вас происходит?

— Система не справляется с закачкой топлива из запасных цистерн в расходные. Подает, но слабенько.

— Назовите запас ветоши на корабле. Прием.

— Ветоши нет. Тыл заявку отклонил.

Лазарев посмотрел на Милого, ожидая разъяснения.

— Чистили, значит, черт знает чем... Сейчас корабль качнуло: всю грязь подняло и пошло на фильтры.

— Борис Михайлович, ваша проницательность делает честь штабу дивизии,— сказал Лазарев.

— Пегов,— сказал Милый в микрофон,— пройдите по всей магистрали. Проверьте в первую очередь клапаны, возможно, забиты путевые сетки. Снимите крышку клапана, там рукой можно достать до сетки, сетка со стороны клапана. Перед ней фильтр, как колпак войлочный... Клапан открытым не держите, трюм залъете. Идите по всей магистрали. Доклад через двадцать пять минут. Прием!

— Борис Михайлович, сможет «Грозный» дать ход и когда? Вопросительный.

— Думаю, через час пойдет.

— Какой час? Астрономический или ваш, «электро-механический»?

— Астрономический, товарищ капитан первого ранга.

В ТРЮМНОМ ХОЗЯЙСТВЕ «ГРОЗНОГО» старший лейтенант Пегов запустил руку по плечу в клапанный лючок у нагнетательного насоса. Губы его беззвучно шевелились в проклятиях. Чумазые матросы старались прочитать на лице командира результаты поиска.

Наконец командир трюмной группы вытащил руку, пальцы сжимали истекающий нефтью пук каких-то ниток и тряпья.

— Кто чистил вторую цистерну? — сил не было даже на гнев, поэтому вопрос прозвучал вполне по-домашнему.

— Товарищ старший лейтенант, по авралу же чистили, всем экипажем, если у старпома разрядка сохранилась...

К Пегову подошел матрос от магистрального клапана точно с таким же пуком замасленного тряпья.

— Нельзя путанкой чистить... Сказано русским языком: путанкой чистить нельзя! — перекрикивая все шумы, потрясал брызжущим нефтью тряпьем старший лейтенант Пегов.

— Не дали ветоши... Была бы ветошь!.. Не дали ветоши! — пытался объяснить суть дела чумазый правдолюбец.

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ КРЕЙСЕРА «ХМУРЫЙ»
комдив Лазарев смотрел на часы.

— Борис Михайлович, что с «Грозным»?

— Жду доклада с минуты на минуту...

— М-мда... Час у вас все-таки электромеханический получается... Вахта! Снимайте связь, отключайте «дельфин». Доклада не будет, Борис Михайлович. Командир, обе машины — полный вперед!

— Обе — полный вперед! — продублировал командир.

Корпус корабля мелко завибрировал, будто днище наскочило на булыжную мостовую.

Острый, вскинутый над волной нос разрывал море, разваливал волны... Корабль шел полным ходом, молот воду винтами, оставляя во взъерошенном ветром море гладкую как стекло, проутюженную могучим корпусом дорожку: след этот больше всего походил на бесконечно длинную подживающую рану, когда новая кожа, ровная как натянутая пленка, прикрывает еще недавно кровоточивший шрам...

Корабль шел полным ходом, это значит его форсунки сжигали в пятнадцать раз больше топлива, чем на средних ходах.

БИЦ КРЕЙСЕРА «ХМУРЫЙ». Полумрак. Здесь, в глубине корабля, в его сердцевине на многочисленных экранах и табло собирается вся информация по воздушной, надводной и подводной обстановке.

Старший матрос у полуметрового в диаметре экрана,

как опытная машинистка, не глядя на клавиши, записал новую информацию и тут же доложил дежурному:

— Товарищ капитан-лейтенант, цель «четыре» увеличивает ход!

Дежурный, с повязкой на левом рукаве, в портуpee с пистолетом, тут же оказался перед экраном.

— «Грозный»?

— Он, товарищ капитан-лейтенант...

— «Ходовой» — «БИЦ», — тут же поднес микрофон к губам: «Грозный» идет назначенным ходом... Пошел «Грозный»!

— Вас понял. Благодарю. Командир.

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ «ХМУРОГО» командир разглядывал в огромный бинокль кромку моря. Оторвав бинокль, оглянулся на нас и заговорил:

— Сегодня я самый молодой командир крейсера в эскадре — тридцать три года. Учусь в академии, заочно. Это меня наш комдив в списки вбил. Ему спасибо. Вместе на Кубу ходили, я тогда другим крейсером командовал. На первом курсе все сто процентов хотели служить на кораблях, а к четвертому курсу многие женились... Тут уже не только своими глазами, но и глазами жен стали кругом смотреть... А если жена еще, к примеру, ленинградская? А в этом смысле ленинградские жены пользуются не очень хорошей популярностью... Вернулись с выпускной стажировки, поговорили с женами, и началось... Кто в учебный отряд, кто в госприемку, кто в военную приемку, во флагманские специалисты, да хоть в военкомат, лишь бы не на корабль... Но я так смотрю: или служить, или заниматься побочными явлениями... Чего только не придумывали. «Я на корабле служить не могу, смотрите, у меня ухо дергается... Я болен! Я замкнутых помещений боюсь. Как закроюсь, так у меня все болит...» На товарища, который хочет стать командиром корабля, смотрят как на ворону: «Смотри, Витька рвется к ручкам телеграфа!...» Какие ручки? Надо в штаб, на берег надо...

К командиру подошел все тот же матрос-секретчик с портфелем на ремне через плечо, подошел чуть валко, как бы не совсем проснувшись, остановился и, не сомкнув ног, вяло приподнял руку в жесте, скорее напоминающем пионерский салют. Командир удивленно посмотрел на

матроса, но тот не оценил серьезности положения и полез в портфель:

— Телеграмму по ЗАСу¹ примите, пожалуйста...

— Отставить! Станьте... Станьте, я вам говорю... Смирно! Пойдите, товарищ старший матрос, к командиру БЧ-7 и скажите, как вы пришли сюда и как доложили. Передайте ему, что я прошу его лично отработать с вами подход и доклад командиру корабля. Что за жест?.. Вы не Добрыня Никитич... Выполнять! Кругом, марш!

Командир тут же продолжил свою мысль...

— Говорят про наш корабль — паркетный крейсер, кроме лоска ничего нет. Неправда! Приезжал к нам на базу Горбачев, мне говорят: «Ставь смотровую вахту, чтобы все было смотровое! Самых отработанных — наверх!» Тех, кто не очень, соответственно, прячем или в отпуск, уж не знаю... Визит пройдет, а что в экипаже останется? У людей же ощущение появится: что с меня спрос, если я дурак, если меня даже показывать нельзя? Надо будет — спрячут! А нам же плавать вместе. Мы же экипажем задачу решаем, а не смотровой вахтой! Мы же как в песне: экипаж — рисуем две черточки=семья! Я думаю, как последний матрос, матрос думает на своем уровне, про корабль, про задачу, как командир. Я не стал никого менять. Собрал экипаж и говорю: «Моряки, предстоит такая задача, принять на борту Генерального секретаря. Готовы мы выполнить эту задачу?» Ну, что поднялось... «Крик души я ваш понял. А что мы готовы сделать, чтобы все прошло хорошо?» В общем так, никаких подмен, никаких смотровых маршрутов. Вахта идет по суточному расписанию. Четверо имели замечания, трое было наказанных. На меня давят — меняй! Вызываю каждого, персонально. «Мне предлагают тебя заменить...» Все в один голос: «Товарищ командир, я вам обещаю...» Так что в этом отношении, как говорится, сле-за прошибла. «Паркетный крейсер»!.. Да мы — экипаж! Пришло поколение, воспитанное телевизором и дешевой киношной. Толстого не читали, Станюковича не читали... Мы же с ними на разных языках разговариваем. Как найти общий язык? Только через доверие, только через ответственность. У меня за два года ни одной претензии от личного состава не заявлено. А я наказываю, и

¹ ЗАС — секретная связь.

жестко наказываю. А претензий нет. И задачу мы выполним. Я всю жизнь верил и верю — в технику и в личный состав. А двадцать процентов успеха — мои, чисто мои... Если у матроса выглажена форма одежды, если у матроса чистый подворотничок, матрос побрит, накормлен, выспался — да ему совесть не позволит не выполнить задачу! Иначе это противоречит всей нашей жизни! Может быть, какой-то негодяй найдется...

И тут же, забыв про нас, схватил микрофон, повернул на своей рации три тумблера одним жестом и на весь корабль разнеслось:

— Какой-то негодяй попытался выбросить мусор за борт! Дежурному по низам — немедленно найти мерзавца и доложить! Мусор со шкафута не убирать! Командир!

Зенитный артиллерийский комплекс «ГОЛКИПЕР» разработан голландской фирмой «ХОЛЛАНДЗ СИГНААЛ АППАРАТЕН». В состав комплекса входит система «АРГУС» для обнаружения и управления оружием. «ГОЛКИПЕР» работает автоматически с момента обнаружения цели до ее уничтожения, а затем огонь переносится на очередную цель!..

В ЧЕТВЕРТОМ КУБРИКЕ БЧ-5 старшина второй статьи инструктировал стремительно передевавшегося матроса.

— ...Понял? Хотел как лучше! А лучше — значит быстрее!.. Понял? Виноват. Извиняюсь. Больше не повторится. Скажешь, что имеешь поощрения.

Матрос в новенькой форменке вытянулся:

— Не имею...

— Скажешь, что имеешь! — старшина тарачил глаза.

В кубрик влетел взмыленный старший лейтенант.

— Тебя что, к увольнению представили? В рабочую форму... Живо!

Пока матрос передевался, старший лейтенант его инструктировал:

— Скажешь, забыл вынести, боялся на корму к мусоросборнику идти, качает... Понял? Ты боишься качки.

— Понял. Боюсь качки. Имею поощрения.

— Какие поощрения? Качки боишься... А тут увидел,

что идет проверяющий, я иду, и махнул с перепугу за борт, а ветром все на шкафут...

— Я вас тоже боюсь? — уточнил матрос.

— Что значит тоже?

— Ну, качки и вас... Поощрений не имею.

— Именно так. При чем здесь поощрения? Ты-меня испугался! Понял?

— Так точно! Может, сразу и голяк взять?

— Товарищ матрос... Отставить юмор!

ПО КОРИДОРАМ, ТАМБУРАМ, ПЕРЕХОДАМ, ТРАПАМ матрос промчался так стремительно, что, описывая этот бег, мы рискуем не успеть к его докладу командира корабля на ходовом мостике...

— ...и махнул с перепугу. Виноват. Больше не повторится. Поощрений не имею,— к немалому удивлению, заключил свой рапорт матрос. Получилось, что оплошность его как бы в результате обиды на судьбу.

Командир смотрел на матроса изучающе, пристально, долго, наконец произнес негромко, чуть иронически:

— Вас приглашает командир дивизии. Он у себя в салоне. Можете идти.

Деревянно вскинув руку, матрос повернулся и покинул ходовой.

У ДВЕРИ ВО ФЛАГМАНСКИЙ САЛОН было укреплено большое зеркало, матрос оглядел себя и стал примеривать различные выражения лица: мужественно выпихивал вперед нижнюю челюсть, щурил глаза, делал наивное лицо, вскидывал брови, примерялся и под «ванька»... увидел в зеркале приближающегося офицера, смахнул нечто невидимое с форменки и решительно постучал в дверь с бронзовой сияющей планкой: «Флагман».

— Прошу...

— Товарищ капитан первого ранга, старший электрик сильного тока матрос Шкадов по вашему приглашению прибыл!

Лазарев оценил это «приглашение» и тут же нажал кнопку на стене.

Несколько мгновений прошло в молчании, хозяин молчал, словно забыв о госте, гость стоял, вытянув руки по швам.

— Прошу разрешения...— в каюту вошел вестовой.
— Как с чаем у нас?
— На высоком!
— Сухари предпочитаешь или печенье?
— Сухарики, товарищ капитан первого ранга,— из положения «смирно» возвестил гость.

— Сухариков к чаю... Добро? И лимон...
— Прошу разрешения...— произнес вестовой и исчез.
— Прошу садиться... Садись, садись... Сейчас чаю принесут. Ты думал, я тебя вызвал для наказания? Нет. Я накажу твоего непосредственного начальника, командира электротехнической группы. И за попытку в море сор выкинуть, и за это твое «по вашему приглашению...».

— Товарищ капитан первого ранга, моя вина...
— Спасибо тебе, что ты хочешь мне помочь найти виноватого, может, и я тебе чем-нибудь помогу? Претензии, обиды, несправедливости?.. Как служится, товарищ старший электрик сильного тока?

Вошел вестовой с подносом и расставил чай.

— Гостю первому ставится...— поправил оплошность вестового комдив и передвинул свой стакан матросу.

— Виноват. Прошу разрешения...— вестовой бесшумно выскользнул за дверь.

— По какому году служишь? Ты пей, пей...

— По второму, товарищ капитан первого ранга... Горячо очень...

Фирма ЭФ ИКС СИ предлагает новый планирующий управляемый парашют «АЛЬМА-3», предназначенный для высадки десантов с высокой точностью приземления на значительном удалении от точки сбрасывания с самолета.

Купол выполнен в форме крыла, что позволяет десантировать солдата с высоты 5 000 м на удалении от точки приземления на 23 километра.

Испытания парашюта «АЛЬМА-3» прошли успешно!

ЛАЗАРЕВ СИДЕЛ В РАССТЕГНУТОЙ ТУЖУРКЕ, да и матрос чувствовал себя более-менее свободно, отхлебывал чаек, грыз сливочный сухарь, не забывая деликатно стряхивать крошки с колен на ковер.

— Вот урок... Мне его преподнес адмирал Круглов, интереснейшая фигура на флоте... Идем на визит в Эфиопию, император устраивал военно-морские праздники. Был там тогда Хайле Селассе первый, император не по крови, не по наследству, он не из Менеликов был; как муж одной из принцесс, когда не стало Менеликов по мужской линии, получил право на престол. Император, можно сказать, по случаю, поэтому правил свирепо, требовал себе всяческих почестей, придумал себе титул «негус негустити», это вроде как «владыка владык», ну, и чтобы подчеркнуть свой вес и военно-морскую значимость, устраивал празднества с участием представителей всех крупнейших флотов мира. Я был капитан-лейтенант. Шел командиром БЧ-2 на эсминце. Начало праздника — перед трибуной императора проходят роты моряков: мы, американцы, англичане, французы, индусы, итальянцы... вполне представительный праздник. И вот этот злобный старикашка, продержавший сына своего старшего десять лет в одиночке, требует, чтобы перед ним во время прохождения все преклоняли свой флаг. Я думал, Владимир Сергеевич прикажет с якоря сниматься и уходить. «Наш флаг!.. Перед феодалом дремучим?! Да нельзя ж этого делать! Кто мы?!» А на Владимира Сергеевича как раз сильное впечатление произвел этот старший сын императора. Хайле его выпустил недавно и звание дал генерал-полковника. Вот на приеме Круглов обращается по-английски к молодому красивому генерал-полковнику, а тот молчит. Еще кто-то к нему обращается, молчит. Потом посол объяснил: только что из одиночки, десять лет просидел, разговаривать разучился. Связался по поводу флага Круглов с послом. Тот человек дисциплинированный, есть протокол, установлен порядок, раз надо, что тут делать. Не надо конфликтов... Владимир Сергеевич свое: «Да еще в XVII веке наши послы и к китайскому императору на коленях не подходили, тоже был протокол, на кол могли посадить! А тут перед мумией феодальной флаг ронять... Да никогда!» Ночь не спал, так послу и сказал: «Я своим морякам такого приказа дать не могу! Меня воспитывали так, чтобы я был готов умереть за флаг, и я так моряков воспитываю...» Утром посылает офицера связи во дворец. Мы уже построились. Знаменосец, ассистенты с палашами наголо... Подходит адмирал и как ни в чем не бывало, спокойно так, будто и волнений никаких не было, говорит: «Моряки, последнее

указание... При прохождении перед императорской трибуной Военно-морской флаг Союза Советских Социалистических Республик держать высоко... и прямо!» Ну, мы во всю глотку, без команды: ура!.. А придумал вот что... Перед самым началом парада, чтобы никто из остальных участников ничего не успел пронюхать, послал во дворец офицера с поручением известить императора о том, что по русской и советской национальной традиции опущенный флаг — символ скорби, траура, печали. И нам, так сказать, не хотелось бы омрачать императорский праздник скорбными, траурными символами. Просим согласия маршировать в соответствии с национальной традицией. Старикашка был мнительный — скорбь, траур, приметы, нет-нет, не надо, пусть идут, как там у них заведено. И мы пошли! Оркестр еще и «Варшавянку» выдал!..

— «Вихри враждебные»?.. — открыв рот, переспросил Шкадов.

— Они самые, «вихри враждебные»... На парадах не поют, так что без слов, все равно текст им без понятия, а оркестр дал — на пять баллов. Гости, особенно американцы — глаза вот такие — русские флаг не склонили!.. Круглов, как и другие командующие, был на трибуне, к нему сразу англичане подбежали, первые: «Разве вы не предупреждены?.. Разве вы не знали?..» А у Круглова глазки маленькие, хитрые, удивляется, будто понять не может, о чем речь. Что за беспокойство? Что за вопросы? «Ах, флаг? Нет, нет, никакого нарушения нет, все согласовано с его императорским величеством... Собственно, и вопрос этот касается наших двусторонних отношений, для вас он не может представлять интерес». Те съели, не побежишь у императора спрашивать, почему русские перед ним флаг не спускают...

Забыв о сухаре и чае, Шкадов слушал, не веря своим ушам да и глазам: сидит с комдивом, пьет чай, речь все больше об императорах...

— Ты пей, пей, остыл чай, я холодный чай терпеть не могу...

— А я в смысле чая... обожаю персиковый компот, — разоткровенничался матрос.

— Ты понял, к чему я речь вел? Служим мы с тобой — флагу и кораблю. Флагу и кораблю. Если нет ко мне вопросов, не смею больше задерживать.

— Спасибо. — Старший электрик сильных токов с под-

черкнутой деликатностью отряхнул на пол крошки и встал из-за стола.— Прошу разрешения...

— Пожалуйста, пожалуйста...

ФЛАГМАНСКИЙ КОМАНДНЫЙ ПУНКТ АВИАНЕСУЩЕГО КОРАБЛЯ «КРЫМ» работал с полным напряжением.

Умные машины, подмигивая смышленным операторам, осмысливали на математическом уровне задачи, поставленные человеком, и в считанные мгновения выдавали беспристрастный ответ.

Вот с таким ответом в руках полнеющий капитан второго ранга и приблизился к Бубышеву:

— Прошу разрешения... Есть данные по вероятности обнаружения противника.

Бубышев лишь посмотрел на одного из своих верных помощников, стоявших рядом, словно ждал подсказки — брать в руки или не брать выданную машиной бумагу.

Помощник протянул руку и взял бумагу сам, быстро заглянул куда-то вниз и поднял полные удивления глаза на доложившего офицера.

— 18 процентов! Вы хотите сказать, что вероятность обнаружения противника восемнадцать процентов?

Тут же вовремя оказался рядом и верящий в жизнь капитан II ранга Баранец.

— Всегда было — пятьдесят восемь процентов, не ниже пятидесяти двух, а тут вдруг восемнадцать процентов! Очень, очень странно...

Докладывавший офицер насторожился, словно прислушался к внутреннему голосу, и внутренний голос подсказал верное решение.

— Разрешите-ка... — все еще погруженный в думу, попросил офицер обратно принесенную бумагу.— Прошу прощения, товарищ адмирал! — Дальше казалось, что офицер очнулся от какого-то сна, очнулся от забытья, свет истины блеснул ему лучом надежды.— Прошу прощения, товарищ адмирал! — Голос его окреп.— Моя вина. Я недоглядел. Они,— кивнул куда-то,— спутали две методики... Ой-ой-ой!.. Я еще раз прошу прощения! Сейчас мы снова, по новой методике, по единой, в единой, так сказать, системе, просчитаем, и уверен — все будет нормально. Прошу разрешения!..

Отойдя к машинам, он отдал операторам какие-то

распоряжения. Засверкали зелеными цифрами и шифрами экраны дисплеев, мягким шелестом прошумела наборная клавиатура, полетели листы, покрытые цифрами и символами, недоступными пониманию непосвященных...

— Резиночку дай...— это единственное, что удалось расслышать за напряженной работой электронных мозгов, неспособных понять простые человеческие истины.

Полнеющий офицер аккуратненько стер с листа цифру 18 и, вставив бумагу в простой печатающий аппарат «Москва», возвел глаза к подволоку, после чего уверенно напечатал: 56, 2 процента. Теперь можно было вновь двинуться на доклад.

— Прошу прощения, результат... даже для меня неожиданный,— он никак не мог оторваться от завораживающих цифр, наконец, как драгоценный предмет, передал обновленный лист стоявшему рядом с Бубышевым капитану I ранга.

— Ну, это уже ближе к тому...— раздумчиво сказал капитан I ранга и смело положил лист на стол перед адмиралом, не дав заглянуть в него проворному Баранцу.— 56,2 процента — вот реальная вероятность... Вполне совпадает с тем, что мы обычно имели...— пояснил своему младшему по званию коллеге удовлетворенный результатом начальник.

Адмирал разглядывал бумагу и чуть заметно кивал головой.

— КУГ где? — подняв полные печали глаза, спросил адмирал.— Где КУГ?

НА ХОДОВОЙ МОСТИК «ХМУРОГО» поднялся возмущенный Томилин, он подошел к сидевшему в своем флагманском кресле Лазареву.

— Сергей, что за дисциплина на корабле? Мне отказали в передаче телеграмм! — Томилин пытался улыбаться, понимая, что предстоит решительное объяснение.

— Дисциплина на корабле военная. И телеграмму ты не пошлешь, по КУГу объявлено полное радиомолчание. Дисциплинированные моряки не нарушают приказов.

— Я тоже не хочу нарушать приказ. У меня график подачи сведений в Штаб учений. Я требую обеспечить для меня нормальные условия работы.

— Юрий Олегович, а как следует называть челове-

ка, чье пребывание в войсках в ходе ведения боевых действий наносит этим войскам урон и ущерб?

— Я направлен сюда, товарищ капитан первого ранга, не для участия в викторинах.

— И все-таки, как следует называть человека, чьи преднамеренные действия сознательно демаскируют войска в условиях военных действий?

— По-моему, объявление войн и военных действий — прерогатива Верховного Совета даже не РСФСР, а СССР.

— Правильно, если речь идет о сопредельных государствах. Но каждый гражданин Советского Союза, Юрочка, имеет право объявить войну тому, с кем он не хочет и не может согласиться... Свою маленькую, личную войнишку...

— Сергей Дмитриевич, вы берете на себя слишком много! Вот именно — войнишку. В войнишку играете! Есть план учений, у каждого есть свои, предусмотренные командованием, функции...

— Начальника связи на ходовой! — скомандовал по рации Лазарев.

Томилин примирительно сказал:

— Анекдот хочешь? Сейчас рассказали. Встречаются две подружки...

На мостике появился капитан-лейтенант.

— Товарищ капитан первого ранга, начальник связи...

— Вижу, прибыл. Вот что, связист, — сказал Лазарев, — под вашу личную ответственность... вот такое мое распоряжение... приказ: все телеграммы, все радиogramмы, как по открытой, так и по секретной связи, все виды сообщений капитана первого ранга Томилина передавать только с моего личного разрешения. Вы меня поняли?

— Так точно.

— Вопросительный. Разведку ведете? Что слышно у противника?

— А все слышно, товарищ капитан первого ранга! Потеряли они нас, фактически... Я пишу их разговоры, ставлю время... Их корабельные станции мы уже запутали... Будут самолеты поднимать...

— Благодарю. Можете идти. Вот видишь, Юрий Олегович, радиомолчание — золото!

— Вы срываете работу штаба и лишаете меня...

— Лишаю! Почему ваш штаб работает в тех же сетях, что и противник? Эти ваши доклады лишают учения смысла. А чтобы ты не нервничал зря, сообщаю: вопрос предварительно согласован с первым заместителем командующего флотом, фактическое наше местоположение,— фактическое! — дам только по его личному запросу.

— Жаль, что тебя не позвали на совещание с Павлом Сергеевичем. Он четко сказал: кто желает жить по-новому, может по-новому жить у себя в каюте!

НА ВЗЛЕТНУЮ ПАЛУБУ «КРЫМА» спустился сумрак, шла подготовка к ночным полетам.

Лифт подавал из ангаров истребители со сложенными крыльями, как на подносе. Последним поднос принес сверкающую красным лаком, как новая игрушка, пожарную машину «Магирус», бесшумно фыркнув могучим двигателем, она откатилась и заняла штатное место. Пожарные расчеты расставляли огромные огнетушители на пневматическом ходу. Палубники заваливали бортовые антенны и леерные стойки. Стартовые проверяли связь.

Тонко завывли запускаемые двигатели и, наконец, облегченно раскатились оглушительным грохотом, заполнившим все пространство над крейсером. Машины начали рулежку, выбрасывая из турбин зыбкий расплавленный воздух. Вспыхнули прожекторы, засветились бортовыми огнями истребители; со стороны могло показаться, что корабль готовится к празднику.

Первая пара разведчиков, в грохоте и пламени зависнув над палубой, вдруг подхваченная могучей силой, сорвалась в полет... уже через мгновение две огненные точки растворились в сумрачной пелене осеннего неба.

НОЧЬЮ в промысловой зоне у Банки Лоренса — огней, как в большом городе.

Ярче всех расцветены сейнеры, работающие тралом, кормовая рама, как и полагается, освещена двумя прожекторами.

КАБИНА САМОЛЕТА-РАЗВЕДЧИКА переполнена рыбацким многоголосьем.

— «Оленегорск», ты видишь, что я с тралом работаю?

— Вижу, Роман Николаевич... А у меня главный дизель чуть не сдох. Пока провозился, опять к шапошному разбору...

— «Оленегорск», я «Пионер Голиков», дайте свой курс.

— «Пионер Голиков», мой курс 247, трал у тебя слева, вижу, расхожусь левым бортом...

Самолеты ощупывают лучами-локаторами все море и пропускают сквозь мелкое сито все радиоголоса.

— «Тобол», как у тебя с солью?

— Сколько тебе надо?

— Выручи тонн на пять, очень буду, Боря, благодарен.

— Это можно. На берегу пивом рассчитаешься

— За мной не пропадет!

И снова самолеты устремились к кораблям, отмеченным на экране локатора светящимися зернышками, чтобы любоваться сверху ослепительными гроздьями огней и слушать все те же бесконечные разговоры про тралы, косяки, кухтыли и соль.

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ «ХМУРОГО» старпом Сайко стоял у выносного поста связи с правого борта с микрофоном в руках и произносил тексты, импровизируя на ходу:

— У меня ходовая часть трала ремонта требует, повременю я пока с заметом, Егор Сергеевич, повременю...— и, выключив микрофон, взмолился, обращаясь к вахтенному офицеру:— Ну отлови ты какого-нибудь бойца из бывших рыбаков, грамотно же надо всю эту муру плести... Не писатель я, чтобы «Жизнь рыбака» вот тут на ходовом сочинять...

— Прикажем, будете писателем, товарищ капитан третьего ранга! — беспощадно отрезал командир крейсера Коваль.

— БИЦ — ходовому... Пеленг 347. Цель воздушная. Интенсивность излучения 7 баллов. Предполагаю «ТУ-16».

НА ХОДОВОМ МОСТИКЕ БПК «ГРОЗНЫЙ» такими же импровизациями занимался сам командир:

— Сергей Петрович, косяк вправо пошел, на тебя рыба пошла, заходи со 125 градусов, аккуратненько..

Неразличимые в вышине, прошли самолеты-разведчики.

НА ХОДОВОМ «ХМУРОГО» Сайко выгребал запасы рыбацкой премудрости из своего наморщенного лба. Его все больше тянуло на неполадки.

— Да, с тарой у меня не больно-то хорошо. Взять-то замет возьму, а вот как сдавать буду!

ЗАТО НА ХОДОВОМ БПК «ГОРДЫЙ» с микрофоном стоял мичман из бывших натуральных рыбаков и сыпал как по-писаному:

— Поднял партию 24-й, единичку поднял, а за час полтинничек подниму... Не жадный я, еще три замета — и пойду под иностранца, под зачистку...

НА ВЗЛЕТНУЮ ПАЛУБУ «КРЫМА» возвратился первый разведчик.

Едва летчик заглушил двигатель, как к самолету вместе с техниками бросились сгоравшие от нетерпения офицеры штаба.

И если бы не грохот двигателей готовившихся к полетам машин, можно было бы услышать множество обращенных к летчику вопросов и его недоуменные отрицательные ответы.

Ему показывали карту, на карте очерчивали кругами районы, где непременно должен быть КУГ, летчик кивал утвердительно, что именно здесь, именно так он и летал, и смотрел, и слушал.

Техники проводили послеполетный осмотр машины, подкатывал заправщик, заполняя опустевшие баки...

...И снова, словно подпрыгнув над палубой и замерев, зависнув, самолет рывком уходил в полет на ночную разведку.

НА ПАЛУБЕ «ХМУРОГО» было светло как днем, залитая огнями ламп и прожекторов, светилась вода вокруг корабля. Все осветительные средства были мобилизованы на то, чтобы ослепить любого наблюдателя, не дать разглядеть ни палубу, ни надстройки.

Командир «Хмурого» подошел к Лазареву.

— Прошу разрешения... Товарищ комдив, хотите послушать? — в руках командира был магнитофон.

— Что там у вас?

— Самолет записали.— Командир нажал клавишу.

Сквозь шум помех четко обозначился голос: «Рыбаки... опять рыбаки... «Зина Портнова» и «Пионер Таджикистана», третий «Оленегорск»... Работают с тралами, по огням вижу». — «Каким строем идут?» — «Да какой это строй, как бараны в кучу сбились, в чужом неводе рыба толще...» → «Ход узлов 10, не больше, с тралом они больше и не могут идти...» — «Есть, возвращаться!»

— Офицеров штаба на ФКП! — скомандовал Лазарев и легко соскользнул с флагманского кресла. — Дайте семафор по всем кораблям группы: приготовиться увеличить ход!

ФЛАГМАНСКАЯ КАЮТА. Закончив умыться, Лазарев оглянулся на нас, прошел в спальную, где на полках и на тумбочке перед деревянной кроватью лежали книги, десятка полтора. Несколько раскрытых, иные с закладками, надевая форменную рубашку, спросил:

— Нравится?.. Апартаменты! У командира корабля точно такие же, симметрично по левому борту... Командир на корабле лицо священное, и должен сознавать себя первым человеком во всех отношениях... Я какое лицо? Тоже, конечно, первое, но на дивизии. А жизнь людей вверена командиру, непосредственно в его руки. Из Коваля отличный командир вырастет, хорошо пойдет... Знаете, какая у него любимая песня? «Не правы всегда капитаны, во всем виноват капитан...» Там еще такие слова, есть: «...за то, что он первый по чину, за то, что он крут и упрям, за то, что последним в пучину, когда уже все «по нулям»...» Хорошие слова, по-моему, сам сочинил. В прошлом году прибыл на базу инспектор из «ангельской группы» маршал М., ходил с нами в море, показывали ему, как стратегические лодки стреляют. По-моему, он на флоте вообще первый раз в жизни был. Привез я его на «Хмурый»... По трапу подняться не мог, матросики его этак под локоточки, якобы он сам шел, но в общем-то на весу; человек заслуженный, прошлое у него замечательное, Берию брал, но в последние годы сильно усох... Сыграли «захождение», «встречный» играют, команда построена... Вылез на палубу, оглядывается из-под фуражки своей огромной... Командир рапорт отдает, а он увидел вахтенного офицера, на рукаве «рцы», в отличие от всех в портуpee,

пистолет у колен висит, наверное, за самого главного принял и к нему, за руку поздоровался и просит: «Отведи-ка меня, дружок... Что-то меня укачало...» Правильно, пять кабельтовых прошли от причала командующего до «Хмурого» на рейде. Укачало. «Да,— думаю,— как же ты нас будешь в море инспектировать». Жалко даже его стало, ну, заслуженный человек, повесь ему еще два ордена, если есть куда вешать, и дай отдохнуть... Когда раздевали его, фуражку сняли, а там голова, как дынька усохшая, под мундиром какой-то заячий треух поддет, снаряжения на нем как на капусте... Ведут его по трапам, по переходам, проходим мимо помещения командира, и как его угораздило, вошел... «Ой, как хорошо... Мне здесь нравится! Здесь буду жить!» Объяснять ему, что такое командир и что такое каюта командира на корабле — бесполезно. Но мы все-таки еще флот! И на моей дивизии каюта командира — не гостиничный номер! А он уже пытается фуражку снять, зовет на помощь приставленного к нему майора: «Давай, Миша, раздеваться будем...» Я к нему: «Товарищ Маршал Советского Союза, в этой каюте очень сильно качает...» — «Почему, дружок?» — «Противоукачивающее устройство вышло здесь из строя, вам будет лучше рядом, по правому борту, там все точно такое же...» Еле-еле удалось его в мою перетащить, а я к начпо¹ перешел. «Ты,— говорит,— Миша, загляни там, что у них устройство не работает, пусть чинят». Записали, хоть Миша этот и сам смеялся. Мне важно было, чтобы Коваль понял. А Коваль понял... Что стрельбы? Да с нарушением всех мер безопасности. Лодку чуть не под борт подогнали, чтобы дедушке было лучше видно. Вылезла ракета, постояла-постояла, подумала: лететь, не лететь, потом все-таки решила: маршал смотрит, надо лететь. Полетела. Мы тогда по северному полигону стреляли. Доложили инспектору, есть попадание, он за бинокль: где? где?.. «Где попадание?» На Камчатке, вот где! Есть ли у меня свои хитрости? Конечно, есть. Командиры тоже хитрецы порядочные, но это хорошо. Знают, что я люблю историческую литературу, как прихожу на корабль, в каюте десяток-полтора отличнейших книжек, где только соберут! Это специально, чтобы я по кораблю не ползал, побольше в каюте сидел. Вон смотрите: Пикуля четыре тома, записки княгини

¹ Начпо — начальник политотдела дивизии.

Дашковой. «Священный черт» Иллиодора, это о Распутине, даже Петеньку Долгорукова где-то откопали, Ключевский, Василия Осиповича люблю, уважаю, «Оправдание добра», Соловьев, «Опыт нравственной философии», это, надо понимать, не для образования, а для воспитания подложено. Первый раз в руках держал эту книжку. Впечатляет. Как-то мы так на себя смотреть не привыкли. Вот, пожалуйста, я здесь заложил: «Степень нравственного подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру, без чего общественная среда никаких прав на единичного человека не имеет...» А хитрости у меня какие? Я ж действительно иногда из каюты не выхожу. Вышел корабль из ремонта, к примеру, я ему играю «тревогу», и пошли на полигон. У них же все свистит, парит, там недоделано, здесь недотянуто, сами они все это видят великолепно, мне и ходить никуда не надо, одного моего присутствия на борту достаточно. Поплаваем три-четыре дня, и корабль, считай, уже отработан. Они довольны, что я из каюты почти не выходил, я доволен, что корабль в человеческий вид привели...

**НА ФЛАГМАНСКОМ КОМАНДНОМ ПУНКТЕ АВИА-
НЕСУЩЕГО КРЕЙСЕРА «КРЫМ»** работал мозговой центр.

Капитан I ранга Рубцов докладывал свою версию флагману:

— Товарищ адмирал, вот мой вариант экстраполяции действий противника, как исходная для наших решений. Компенсируя недостаточность своих средств обнаружения, противник наверняка поднимет вертолет. Но и обнаружив нас с вертолета, противник еще не сможет решать задачу на огневое целеуказание. Используя преимущества наших огневых средств, нашу «длинную руку», по обнаружении вертолета — даем команду на подготовку оружия, снижая хода до минимума. Для сохранения дистанции. При появлении кораблей Лазарева на дистанции поражения ведем огонь на поражение. Лазарев и компания кормят рыбу. Условно. Теперь по времени... Когда они могут поднять вертолет? Не раньше подъема флага! У них нет летчиков, допущенных к ночным полетам. Они же у нас сдают допуск. Там два лейтенанта, оба еще без допусков...

— КУГ где? — мрачно спросил Бубышев. — Где КУГ?

НА ФКП «ХМУРОГО» Лазарев вел оперативное совещание.

— Ну, товарищи штурманы,— за карты! Дать полный расчет, когда поднимаем вертолет, когда даем команду на подготовку залпа, какими ходами идем. Задача ясна? За работу! Теперь вы,— комдив обернулся к двум молодым и даже шуплым на вид летчикам.— Идете на предельно малой высоте, жметесь к воде, затем резкий скачок вверх, восьмисот—тысячи будет достаточно... Даете картинку. Первое — главная цель — «Крым», место, курс, скорость... Скорее всего они вас заметят...

— Не заметят,— сказал Томилин.

— Почему так думаешь? — увлеченный своим замыслом, Лазарев не обратил внимания на мстительную искорку, сверкнувшую в глазах посредника.

— Летчики не допущены к ночным полетам. Вы сдали на допуск, товарищи лейтенанты? — подчеркнуто вежливо поинтересовался Томилин.

— Да мы давно готовы сдавать, а комиссия собирается...

— О причинах, почему у вас нет допуска к ночным полетам, я не спрашиваю.

— Да, полшестого уже светло, а в шесть и совсем...

— Домашние разговоры. Видно, вы еще не скоро сдадите на допуск. Когда начинается навигационный день?

— С восходом солнца, товарищ капитан первого ранга...

— Так что ж вы толкуете — светло-темно?..

— Принимаю решение. Восход солнца 7.35? Старт, как и запланировано, в 5.45, посадка не ранее 7.35. Да, взлет пусть считается ночью, а посадка в ясный навигационный день. Согласны, товарищи летчики?

— Так точно.

— Готовьте машину. А вы, товарищ капитан первого ранга, квалифицируйте решение, как сочтете нужным.

Томилин вслед за летчиками направился к вертолетным ангарам.

НА ВЕРТОЛЕТНОЙ ПЛОЩАДКЕ крейсера «Хмурый» опускали леера, раскатывали сетку.

В застекленной кабине, граненым коконом лепившейся наверху меж двух ангаров, руководитель полетов заполнял контрольные листы.

Убедившись в том, что вертолеты реально готовятся к старту, Томилин бысто направился на ходовой; на ходовом он появился в ту самую минуту, когда по трансляции прозвучал доклад: «Товарищ командир, вертолет «борт-032» к полетам готов».

— Даю вводную! — как ни в чем не бывало объявил Томилин.— Учебная тревога. Пожар во втором вертолетном ангаре. Со снятием норматива. Прошу вас, товарищ капитан третьего ранга.— Томилин достал секундомер

Огорошенный Коваль устался на Лазарева.

— Объявляйте тревогу, командир! — сказал Лазарев.

По всем палубам и отсекам загрели колокола громкого боя. Еще в ушах не улегся звон, как прозвучала команда: «Учебная тревога! Пожар во втором вертолетном ангаре. Со снятием норматива. Пошло время!»

Томилин включил секундомер и покинул ходовой.

НА ВЕРТОЛЕТНОЙ ПЛОЩАДКЕ застигнутая врасплох команда, после минутного шока, включилась в отработку норматива:

...выкатывали второй вертолет,

...раскатывали шланги,

...задраивали переборки,

...готовили к работе пенные агрегаты,

...занимали посты по боевому расписанию.

Томилин спрятал в карман секундомер, подождал, пока все замрут в предписанной инструкцией позиции, и объявил:

— Норматив превышен на две минуты. В исходное! Будем повторять.

НАД КРАЕМ МОРЯ ЧЕТКО ОБОЗНАЧИЛАСЬ СВЕТАЯ ПОЛОСА НЕБА.

Лазарев поднес микрофон к губам:

— Старший помощник!.. Прием.

— Слушаю, товарищ комдив.

— Иван Федорович, у вас секундомер есть?

— Так точно.

— Пожалуйста, помогите посреднику поточнее снять нормативные данные по пожарной тревоге.

НАД КРЕЙСЕРОМ «ХМУРЫЙ» вновь гремели колокола громкого боя.

Сайко специально встал рядом с Томилиным у трепещущего на ветру кормового флага, держа перед собой секундомер с длинным черным шнурком.

По вертолетной площадке метались бойцы...

Снова выкатывали вертолеты, раскатывали шланги, задраивали переборки...

...и снова замерли в предписанных табелем позициях, готовые к отражению огня.

— На моих — норма, а у вас? — поинтересовался Сайко.

— На этот раз немножко лучше,— Томилин убрал часы.

— Все в исходное, кроме первой машины! Готовить вертолет к полетам!

Английский тактический истребитель «ЯГУАР-ЖР-1» с двумя управляемыми авиационными бомбами, оснащенными лазерной системой наведения, станцией радиолокационного подавления, устройством выбрасывания противорадиолокационных отражателей и двумя дополнительными топливными баками, обладает высокими качествами, необходимыми для преодоления ПВО противника...

ГОЛУБОВАТЫЙ ВЕРТОЛЕТ с военно-морским флагом на фюзеляже и бортовым номером «032» мчался над морем, едва не касаясь поплавками воды.

Пилот в левом кресле бросал нетерпеливые взгляды на штурмана, сидевшего у правого борта, штурман выждал расчетное время и кивнул пилоту...

Машина, словно шарик на резинке, стремительно заскользила вверх.

— Исполняю — 800,— доложил пилот.

НА ФЛАГМАНСКОМ КП слышали голос летчика:

— Исполнил — 800. Надводных целей не наблюдаю. Исполняю 30.

В КАЮТ-КОМПАНИИ КРЕЙСЕРА «КРЫМ» первыми завтракали офицеры походного штаба.

Свежий и жизнерадостный Баранец держал площадку:

—...Лазарев приглашал поочередно к себе обедать всех офицеров корабля. Зная об этом, тем волей-неволей приходилось тянуться и книжки читать, и не только по специальности, чтобы не попасть, как с иными случалось, в неловкое положение за столом у адмирала.

— Когда это Лазарев адмиралом стал? Он первого ранга,— заметил кто-то из не слышавших начала рассказа.

— Когда? Тогда же, когда и Беллинсгаузен, после похода в Антарктиду, при Николае Первом,— под общий хохот доверительно сообщил Баранец.— А что?

— С тобой, Баранец, неделю поплаваешь и сразу поумнеешь!

— Нет, Гузя, тебе неделю мало, тебе надо со мной минимум года два поплавать,— к общему удовольствию сострил Баранец.

— Прошу разрешения! — дежурный по кораблю в фуражке и при оружии прошел к торцу стола и доложил командиру: — Завтрак личному составу роздан. Жалоб и замечаний нет.

— Хорошо, очень хорошо,— сказал командир.— Кашу раздали, хорошая новость с утра, а что в мире интересного делается?

— Вроде вертолетик какой-то прорезается, то появится, то исчезнет... На запрос не отвечает, не разобрать, то ли наш, в смысле Лазарева, то ли норвег, а может, помехи...

— Что за доклад! Какие помехи? — Рубцов вскочил из-за стола.— Вы боевую вахту несете или раздачей каши в детском саду занимаетесь? Боевая тревога! Доложить адмиралу! Передайте адмиралу, что за несение вахты вами получен выговор!

Офицеров словно сдуло из-за стола.

НА КОМАНДНОМ ПУНКТЕ КУГа на экранах светилось радиолокационное изображение противника.

Рядом с каждой целью на экране был столбик цифр: класс, курс, скорость и т. д.

—...Цели вижу отлично! Еще две минутки «посвети» и попробуй вернуться! Наведение отличное! Благодарю за службу! Командир дивизии.— Лазарев переключил

чил рацию: — Боевая тревога! Ракетные комплексы, артиллерийские системы — к бою! Штурман, расчет точки залпа на предельной дальности!..

Лазарев подошел к флагманскому специалисту по ракетному оружию, готовившему программу боя.

— Все верно. «Четвертая» цель — наша, бьем нашими большими... дополнительные — «Шесть», «Три», «Два»... Заложите упреждающий по «Пятой» и «Восьмой»... распределите по кораблям и по количеству ракет... И главное, убрать все разнотыки в документах, собрать огневое поражение на один план. Все на одной картинке. Штурман — курс в огневую позицию!..

— Есть!

— Работайте. Я на ходовом!

КОРАБЛИ, ИДУЩИЕ В АТАКУ, БЕЗЛЮДНЫ: пустынные палубы, герметично прикрыты внутренние помещения, все отсеки, задраены ороневыми крышками иллюминаторы, в коридорах пусто и гулко, в минуту высшего напряжения корабль кажется необитаемым.

В ракетном погребе под носовой установкой с масляным клетком повернулся огромный барабан с вертикально установленными сигарами ракет... В обширном помещении не было ни одной живой души, и казалось, что механизмы и агрегаты, как раз и воспользовавшись отсутствием людей, пришли в движение, зажили своей жизнью, подчиненной железной логике: рычаг должен толкать, цапфа захватывать, шток — подавать, планшайба — вращаться, летающее — лететь, стреляющее — стрелять!

Носовая установка, приняв на свои стальные плечи поднятые из погреба ракеты, короткими порывистыми движениями отыскивала какое-то вычисленное положение, изо всех сил подражая стрелку, прикладывающему свою двустволку поудобнее к плечу, чтобы сделать выстрел наверняка...

Из бортовых контейнеров неся ровный устойчивый вой двигателей на запуске.

Но пока еще вся громада приведенного в движение металла была неотделима от человеческой воли и разума.

— Есть сброс...

— Есть высокое...

- На подогрев!..
- На режим!..
- Готов к запуску!

ТАМБУР № 18. Тамбур секретный, описанию не подлежит. Аварийная группа в составе двух матросов и старшины второй статьи с противогазами, напоминающими акваланги, касками и спасательными жилетами дремлет, привалившись к теплой переборке. Слышно, как где-то неподалеку проворачивают механизм автоматической подачи снарядов: сначала нарастающий вой запущенного маховика, потом кляцканье, утробный рокот и даже шипенье, будто поданный снаряд в конечном счете прокалывает надутую шину, но это не так, просто в оркестре подачи участвуют механические, электрические и пневматические приводы, каждый со своей партией. Система сложная, капризная, надо все время проверять и пробовать...

— Земляк, слышь, не спи, чего скажу! Вчера «новоржевку» играли!..

— «Скобаря»?

— Ну!.. По «Утренней почте».

— Во дают! Смак...

— А чем ваш «скобарь» хорош?

Оба земляка рассмеялись и окончательно проснулись, сказать стесняются, улыбаются от подплывших воспоминаний.

— Тебе, джигит, не понять... Это музыка под драку. У нас в Залучье на Николе-летнего или на Покрова, к примеру, как заиграют, так и пошло...

— Ну,— солидно подтвердил второй.— Сейчас бы по боевой трансляции дали, мы бы этим вломили...

— А без «новоржевки» не вломим?

— Должны вломить, Лазарев — мужик серьезный, он их сделает... Я с ним вторую игру хожу.

— А мне так море не личит, ни холма, ни леса, все видать, не спрячешься...

ВО ФЛАГМАНСКОЙ КАЮТЕ КРЕЙСЕРА «КРЫМ» адмирал Бубышев сидел за рабочим столом.

Перед ним строго и неподвижно, как человек, исполнивший свой долг, стоял Рубцов. Чуть сзади, в ожида-

нии приказаний, стояли старшие офицеры штаба.

По трансляции неслись распоряжения и команды: корабль и вся многоцелевая авианосная группа запоздало готовилась к бою.

Бубышев поднял голову, с усилием приоткрыл оба глаза и посмотрел на непроницаемые лица своих сподвижников, он понимал, что от него ждут, ждут самого главного, того, что не могут увидеть и понять они, готовые стать проводниками его мысли и воли.

— Это КУГ,— смиренно произнес Бубышев, разглаживая ледяную гладь оргстекла на столе и мысленно сопрягая всю полученную им информацию. Он покивал головой каким-то своим мыслям, потом вновь поднял глаза и грустно произнес, констатируя неизбежное: — Это КУГ...

КУГ, развернутый строем пеленга, на форсированных ходах летел в атаку.

Откинулись крышки ракетных контейнеров ударного комплекса, к могучему гулу корабельных турбин примешивался глухой рокот запущенных двигателей больших ракет.

НА ХОДОВОМ «ХМУРОГО» проходили последние предстартовые команды, штурман голосом объявлял отсчет времени:

— До точки залпа — 4 минуты!

— «Ходовой» — «Рубка акустиков»! Цель надводная, дистанция 30 кабельтовых, прямо по курсу... цель на запрос не отвечает, интенсивность излучения 0. Предположительный — киты!

Лазарев поднял к глазам бинокль.

Томилини припал к резиновому тубусу перископа.

Черные лоснящиеся спины отчетливо проступали в суете невысоких волн. Если бы можно было скомандовать им погружение!..

Лазарев опустил бинокль, на его лице застыла гримаса досады, нет, видно, ему никогда не привыкнуть к лукавству своей судьбы, и можно дать голову на отсечение, что его рука потянулась к рации, включила тумблер общей связи и поднесла рожок к губам, прежде чем он признался себе в принятом решении. Армия возвращает в человеке привычку, вырабатывает рефлекс мгновенной и однозначной реакции на внешние раздражители,

и только сам себя может человек заставить и научить во всех случаях реагировать на внешние раздражители согласно правилам чести.

— Я — «Водяной»! По «КУГу»!.. приготовиться исполнить координат вправо! — Лазарев произносил команды и даже не слышал своего голоса, как профессиональный шахматист, делая первые ходы в дебюте, знает, что затрата энергии и усилия понадобятся после того, как будет сделан восьмой или двенадцатый ход, тогда-то и начнется.

— У тебя ракеты в предстартовом! — не удержался захваченный азартом атаки Томилин, Лазарев, казалось, не слышит его.

— «Водяной» — я «Первый»... я — «Второй»...я — «Четвертый»... Есть приготовиться исполнить координат вправо. Прием!

— Собъешь дистанции! КУГ в позиции залпа! — зло сказал Томилин.

— Командиры!.. Поворот «все вдруг»!.. Вправо! На курс 126. Товсь! Командиры! Держать дистанцию! «Все вдруг»! Право! Пошел!!!

— Внимание, экипаж! Корабль резко маневрирует! Соблюдать осторожность! — объявил по корабельной трансляции Коваль.

Вся мелочь, все незакрепленное и плохо лежащее в отсеках и каютах с грохотом и стуком полетело вниз, билось о переборки...

В надстройках и по боевым постам внизу матросы и офицеры ловили руками ускользающие из-под них сиденья...

— Корабль совершает опасное маневрирование! Всем соблюдать повышенную осторожность! — объявила рубка дежурного.

— Я — «Водяной»! По КУГу! Поворот «все вдруг»! Влево. Курс 92! Товсь! — и, дождавшись кивка штурмана, скомандовал:— Поворот «все вдруг»! Пошел!!!

— Влево — чисто. Поворот влево безопасен! — донеслось с сигнального мостика.

— Этот водяной слалом будет стоять тебе поражения! — сказал Томилин.

— Условного... Они наших игр не понимают, — сказал Лазарев и ухватился за подлокотники.

Рули, заложенные на циркуляцию, валили корабль влево.

ЗЛОСЧАСТНАЯ ГИРЯ накренилась, качнулась и, перевернувшись через ручку, закувыркалась по сигнальному мостику, припечатала на прощание ногу ухватившегося за леера сигнальщика и, перепрыгнув через ватервейс, ухнула в море...

.....

НА ПАЛУБУ АВИАНЕСУЩЕГО КОРАБЛЯ «КРЫМ» один за одним садились вертолеты с участниками разбора учений.

Офицеры здоровались, обменивались приветствиями, вспоминали смешные подробности недавней схватки, все были победительно бодры и прекрасно настроены.

Море было светлым и тихим, и там, где оно сливалось с небом, не было ясной и четкой границы.

— Офицеров, прибывших на разбор учений, приглашают в кают-компанию корабля! — раздалось по громкой трансляции.

Плотным потоком офицеры шли по трапам и переходам, через просторный тамбур, отделанный деревом и светлым пластиком, здесь шаги гасли в плотном ворсе ковра. Шли мимо сияющей бронзовой доски:

*Тяжелый авианесущий крейсер «Крым»
построен рабочими, инженерами,
учеными для защиты интересов Союза
Советских Социалистических респуб-
лик на мировом океане*

У входа в кают-компанию стоял смотровой наряд рослые матросы-часовые в касках и с автоматами.

Томилин и Лазарев входили в числе последних.

Оглянувшись на нас на секунду, Лазарев чуть заметно пожал плечами и вошел.

Томилин тоже оглянулся и доверительно сказал:

— Наполеоны, как известно, не выходят из корабельных кают, и поэтому умный человек не должен быть умнее своего начальника.— И, сделав глубокомысленное лицо, с каким пристало участвовать на разборе посреднику проигравшей стороны, вошел в кают-компанию...

...Здесь и остановимся, дальше нас с вами все равно не поустят.

Часовые прикрыли дверь в кают-компанию с заранее заготовленным плакатиком: «СТОЙ! ВХОД ПОСТОРОННИМ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕН!»

Часовые стояли, положив руки на оружие, честно глядя своими молодыми глазами прямо в мои глаза.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Читатель вправе спросить: «А при чем здесь стадо китов? Неужели только для того, чтобы Лазарев продемонстрировал свое редкостное умение управлять боевым отрядом кораблей? Или только для того, чтобы явное превосходство Лазарева не стало его очевидной победой?» Да разве дело в том, кто победил? Мы скажем искреннее спасибо и Лазареву, и Бубышеву, и всем их соратникам и сподвижникам, если на морском театре, равно как и на сухопутном, никогда не разыграется кровавая трагедия, победителей в которой, как нам всем хорошо известно, не будет.

СКР «РЕЗКИЙ»
1987

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 **Жестокость**
Из семейной хроники
- 45 **Ночной дозор**
*Ноктюрн на два голоса при участии
стрелка ВОХР тов. Полуболотова*
- 113 **Капитан Дикштейн**
*Фантастическое повествование
о мятежном кондукторе*
- 255 **Семь монологов в открытом море**
*Мирная хроника военно-морской жизни
с тремя прологами без эпилога*

Кураев М. Н.

К93 Ночной дозор: Повести.— М.: Современник,
1990.— 332 с.

ISBN 5—270—01080—1

Первые же публикации Михаила Кураева — «Капитан Дикштейн», «Ночной дозор» — вызвали самое широкое читательское внимание. В своих произведениях, будь то эпизоды Кронштадтского мятежа или монолог бывшего сотрудника НКВД, писатель воссоздает напряженную взаимосвязь отдельной человеческой судьбы с течением истории, с судьбой народа. Проза М. Кураева исполнена точными реалиями, глубокими раздумьями о жизни, о времени.

К $\frac{4702010201-132}{M106(03)-90}$ **КБ—50—13—89**

ББК 84Р7

Кураев Михаил Николаевич

НОЧНОЙ ДОЗОР

Повести

Редактор Г. Н. Калашникова

Художник В. И. Бобров

Художественный редактор А. В. Днянов

Технический редактор Г. А. Иванова

Корректоры М. Г. Курносенкова, Г. В. Селецкая

ИБ № 5882

Сдано в набор 23.08.89. Подписано к печати 30.07.90. А00880.
Формат 84x108/32. Гарнитура Литературная. Печать высокая.
Бумага тип. № 2. Усл. краск.-отт. 17,64. Усл. печ. л. 17,64.
Уч.-изд. л. 18,33. Тираж 50 000 экз. Заказ 593. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Сою-
за писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

В издательстве «Современник»
в 1990 году
выйдут в свет следующие книги

Ю. НАГИБИН. «Ильин день»,
повести и рассказы

А. ЦВЕТАЕВА. «Атог»,
роман и повесть

А. ТКАЧЕНКО. «Воитель»,
роман и повести

А. ЖИГУЛИН. «Черные камни»,
автобиографическая повесть